

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные проблемы квалификации преступлений против личности»

Студент

К.А Усанова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Развитие российского законодательства в части ответственности за преступления против личности	7
1.1 Историко-правовой анализ развития ответственности за преступления против личности	7
1.2 Виды преступлений против личности по российскому уголовному законодательству.....	17
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика преступлений против личности	32
2.1 Объект и объективная сторона преступлений против личности	32
2.2 Субъект и субъективная сторона преступлений против личности.....	45
Можно подвести выводы по второй главе.....	53
Глава 3 Проблемы квалификации преступлений против личности	55
3.1 Проблемы разграничения преступлений против личности со смежными составами	55
3.2 Предложения по совершенствованию законодательства в части ответственности за преступления против личности	67
Заключение.....	78
Список используемой литературы и используемых источников	84

Введение

В структуре Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее- УК РФ) преступлениям против личности отведена особая роль, поскольку последние расположены первыми (раздел VII Особенной части УК РФ). Согласно общепринятому подходу к определению объектов преступлений, данное обстоятельство указывает на то, что личность как объект преступного посягательства является наиболее значимой ценностью, что, в свою очередь, говорит и о приоритете мер уголовно-правовой охраны.

При этом, особенностью преступлений против личности выступает их разноплановый характер, поскольку последние сгруппированы в пять разделов, характеризующихся особенностью родового объекта преступного посягательства, а именно: жизнь и здоровье граждан, честь и достоинство человека и гражданина, половая свобода и неприкосновенность, конституционные права и свободы человека, семья и несовершеннолетние дети. Уголовно-правовые особенности указанных групп преступлений характеризуются большим разнообразием, что создаёт объективные трудности в их систематизации и в проведении общего анализа.

Это обстоятельство, а именно разноплановость объектов преступного посягательства, обуславливает также весьма различные способы совершения преступных посягательств, другие признаки объективной стороны, особенности субъективной стороны данного преступления, в том числе мотивов и целей преступной деятельности. Всё это порождает проблемы в системном анализе и восприятии групп преступлений, отнесённых законодателем к преступлениям, против личности. При этом, выявление системных и структурных взаимосвязей между данными преступлениями, должно помочь в познании их сущности, определении причин (факторов) в силу которых последние сгруппированы именно существующим способом в рамках соответствующего раздела УК РФ. Кроме того, существует позиция о необходимости выделения различных групп преступлений, отнесённых к

преступлениям против личности в отдельные разделы УК РФ. Данный вопрос носит концептуальный характер и подлежит разрешению на основе проведения всестороннего анализа научных взглядов на обозначенную проблему.

Кроме того, преступления рассматриваемой категории в последнее время являются предметом постоянной законотворческой деятельности, поскольку только за последние 6-7 лет была проведена криминализация и декриминализация множества деяний. Например, проведённые реформы касались нанесения побоев на бытовой почве, декриминализации, а затем криминализации клеветы, существенно изменены объективные и субъективные признаки преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних, введена уголовная ответственность за незаконную выдачу избирательного бюллетеня, существенно изменены признаки состава преступления характеризуемого неуплатой обязательных платежей на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей.

Таким образом, как мы можем наблюдать, что в рамках раздела Особенной части УК РФ, посвящённого преступлениям против личности, осуществляется борьба с такими негативными явлениями, как домашнее (семейное) насилие, негативное влияние современной информационной среды и отдельных личностей на подрастающее поколение и т.п.

Таким образом, актуальность темы данного исследования заключается в необходимости проведения комплексного анализа уголовно-правового регулирования преступлений против личности, поиска путей и способов его законодательного совершенствования, в необходимости дальнейшего поиска способов разрешения существующих в данной системе преступлений, внутренних противоречий.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с уголовной ответственностью за преступления против личности.

К предмету данного исследования относятся: нормы действующего законодательства, в том числе – УК РФ, федеральных законов о внесении

изменений в УК РФ, решения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), позиции высших судов по исследуемым вопросам, существующая судебная практика по преступлениям против личности. Так же, к предмету данного исследования относятся научные разработки, содержащие мнения учёных уголовного права, относительно исследуемой проблемы.

Целью данного исследования является совершенствование уголовно-правовых мер противодействия преступлениям против личности.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- осуществить историко-правовой анализ развития ответственности за преступления против личности;
- определить и рассмотреть виды преступлений против личности по российскому уголовному законодательству;
- проанализировать объект и объективную сторону преступлений против личности;
- проанализировать субъект и субъективную сторону преступлений против личности;
- рассмотреть проблемы разграничения преступлений против личности со смежными составами;
- рассмотреть предложения по совершенствованию законодательства в части ответственности за преступления против личности.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, УК РФ, федеральные законы о внесении изменений в УК РФ.

Теоретическую основу исследования составили труды таких учёных, как А.В. Агафонов, И.П. Ачилов, А.Г. Бережнов, С.Н. Белясов, А.Б. Васильев, А.Э. Власов, М.С. Дикаева, Э.С. Дикаева, А.В. Колесников, Ж.В. Островских, Н.Г. Иванов, А.В. Курсаев, С.М. Кочои, Л.В. Кругликов, Е.А. Марахтанова, Л.Л. Кругликов, Л.Г. Мачковский, С.А. Маркарян, Г.А. Решетникова, С.Н. Маслак, Ф.Б. Мулюков, Е.М. Полянская, Р.М. Раджабов, А.Л. Санташов,

О.Ю. Савельева, Е.А. Тюгашев, В.И. Толмосов, О.И. Тиунов, И.Р. Шикула, З.Р. Ханова, Н.Н. Хилтунов, О.М. Хохлова и других.

Методология исследования. В исследовании используются следующие научные методы:

- диалектический метод,
- логико-семантический метод,
- логический,
- историко-правовой
- формально-юридический методы.

Структура исследования обусловлена выбранной целью и поставленными задачами и состоит из введения, основной части, разделённой на три главы и шесть параграфов, заключения и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Развитие российского законодательства в части ответственности за преступления против личности

1.1 Историко-правовой анализ развития ответственности за преступления против личности

В первую очередь, обратим внимание на сложности исследования историко-правового анализа развития уголовной ответственности за преступления против личности. В настоящий момент к группе преступлений против личности относятся весьма разнообразные преступные посягательства, ответственность за совершение которых «зародилась» в различные исторические периоды отечественной истории.

Так, жизнь, здоровье, половая свобода и неприкосновенность, личная свобода охранялась законом с древнейших времён. Что касается группы преступлений, направленных против конституционных прав и свобод граждан, например, политических, то уголовно-правовая охрана последних, с исторической точки зрения, существует совсем недавно.

Основу преступлений против личности составляют преступления против жизни и здоровья человека. Приступая к анализу истории развития уголовного законодательства относительно преступлений против личности, отметим, что личность, по крайней мере, такие её важные свойства как жизнь и здоровье, всегда в той или иной степени находились под защитой уголовного закона.

Далее проанализируем основной и наиболее совершенный уголовный закон времён Российской Империи, который именуется Уголовным уложением 1903 года.

Как отмечает В.И. Толмосов, «в нём, как и в других уголовных законах, среди прочего, осуществлялась уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека» [54, с. 15-16]. Учёные отмечают «данное Уголовное уложение в качестве одного из наиболее выдающихся памятников отечественной

правовой истории. Так, если рассматривать именно преступления против личности, то необходимо отметить, что в указанном Уложении содержалась отдельная глава, посвящённая преступлениям против «частного лица». Если проводить аналогию с современным правом, то «частное лицо» можно охарактеризовать как человека или гражданина, то есть любого субъекта – физического лица не обладающего каким-либо специальным правовым статусом, например, государственного служащего, военнообязанного и т.п. Преступления против лиц, обладающих специальным правовым статусом в связи с осуществлением последними своих функций, относятся к другим разделам уголовного закона. Основной раздела, посвящённого преступлениям против «частного лица» составляла глава преступлений против жизни и здоровья такого лица» [35, с. 58].

Из особенностей регламентации преступлений против личности в Уложении 1903 года, как указывает В.И. Толмосов, «является отказ от уголовного преследования лица за попытку совершения самоубийства, отказ от дифференциации уголовной ответственности за совершение умышленного убийства в зависимости от момента формирования умысла (ранее мера ответственности различалась в зависимости от того созрел ли умысел заблаговременно или возник внезапно). В целом же необходимо отметить, что система и признаки основных преступлений против жизни и здоровья в Уложении 1903 года была практически идентичной современной концепции, отражённой в УК РФ 1996 года. Так, практически совпадают составы простого неквалифицированного убийства, его виды, в обоих случаях была предусмотрена уголовная ответственность за причинение смерти по неосторожности» [54, с. 42].

Следующим «блоком» преступлений против личности являются так называемые половые преступления. Как отмечает исследующая данный вопрос С.Н. Маслак, «единая уголовно-правовая концепция охраны половой свободы и неприкосновенности личности в отечественной истории была сформирована в конце XVIII- в начале XIX века. Если же говорить об

Уложении 1903 года, то в последнем нашли свою охрану как половая свобода и неприкосновенность, так и нормальное психическое и нравственное развитие личности несовершеннолетнего лица. Таким образом, уголовно-наказуемым, кроме изнасилования стали и половые отношения, и развратные действия в отношении несовершеннолетних» [31, с. 33-34].

Что касается таких преступных посягательств относительно чести и достоинства личности, то последние, как правило, охранялась в части обеспечения личной свободы. Так, «в Уложении 1903 года содержалась глава 26 именуемая «О преступных деяниях против личной свободы» в которой содержались 15 статей (ст.ст. 498–512). Была предусмотрена ответственность за совершение похищения человека, похищение и последующее неправомерное помещение человека в медицинское учреждение, предназначенное для умалишённых (ч. 1 ст. 500 Уложения 1903 года), похищение и последующее содержание женины в притоне разврата (ч. 2 ст. 500 Уложения 1903 года), за те же действия, сопряжённые в последующем с продажей или с перепродажей человека в рабство или в другую неволю (ст. 501 Уложения 1903 года). Кроме того, необходимо отдельно отметить, что уголовный закон того времени уже предусматривал и отдельные нормы, направленные на защиту прав трудящихся. Так, в этом же разделе была предусмотрена уголовная ответственность за принуждение к отказу от участия в забастовках трудящихся (именовались термином «стачка») (ст. 209 Уложения 1903 года)» [31, с. 35-36].

Как отмечает Г.А. Решетникова, «проведенный в хронологической последовательности анализ уголовного законодательства XIX - начала XX в. позволяет утверждать, что в дореволюционном уголовном праве России выделялись нормы, направленные на уголовно-правовую охрану института брака; на уголовно-правовую охрану института опеки и попечительства; на уголовно-правовую охрану воспитательной функции семьи; на уголовно-правовую охрану личных прав членов семьи (жизнь, здоровье, личная свобода, половая свобода и неприкосновенность, имущественные права членов семьи,

трудовые права несовершеннолетнего, право несовершеннолетнего на его нормальное физическое, духовное и нравственное развитие)» [49, с. 46].

Что касается норм о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, то последние были выделены в главу XIX Уголовного уложения 1903 года, носившую название «О преступлениях против прав семейственных». В главе находилось 19 статей. Как и ранее, уголовной ответственности подлежало принуждение к вступлению в брак, в том числе, посредством обмана, а также прелюбодеяние, наличие нескольких браков, кровосмешение. Необходимо отметить, что впервые в отечественной истории была введена ответственность за отдельные нарушения в сфере регистрации актов гражданского состояния (несообщение о смерти или о рождении кого бы то ни было теми лицами, на которых возлагалась обязанность сделать это). Кроме того, несовершеннолетний защищался от жестокого обращения с ним, от вовлечения в занятие нищенством или в иную безнравственную деятельность, от «отдания» другим лицам для этой цели. Наказуемым являлось оставление ребёнка без надзора в результате чего последний был вовлечён в преступную деятельность.

Необходимо также отметить, что защищался не только несовершеннолетний в отношениях со своими родителями, но и сами родители в случае пребывания в преклонном возрасте или в ином беспомощном состоянии. Так, в ст. 420 Уголовного уложения 1903 года была предусмотрена ответственность за отказ от помощи нуждающимся в этом родителям. Кроме того, охранялся «диктат» воли родителей в отношении поведения несовершеннолетнего, поскольку уголовно-наказуемым деянием было упорное неповиновение своим родителям, вступление в брак вопреки их воле.

Кроме того, необходимо отметить, что семейные ценности и несовершеннолетний были предметом охраны и статей Уголовного уложения 1903 года, расположенных в иных главах данного нормативного акта. Речь идёт об ответственности за похищение и подмену ребёнка, похищение

несовершеннолетней девицы, в т.ч. с её согласия, ответственность за отказ вернуть ребёнка, ответственность за несообщение в полицию о нахождении на содержании покинутого или заблудившегося ребёнка и т.п. Интересно отметить, что в Уголовном уложении 1903 года содержалась глава 14 имеющее название «О нарушении постановлений о надзоре за воспитанием юношества», в которой содержалось две нормы. Одна из них – ст. 290 предусматривала ответственность за открытие учебного заведения без надлежащего разрешения, в возложении на себя обязанностей учителя или воспитателя в случае, если в отношении данного лица наложены ограничения. Вторая норма – ст. 291 предусматривала ответственность за неисполнение установленных законом или обязательными постановлениями правил

Анализ основных правовых источников Российской империи, таких как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [58], Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. [59], Уголовного уложения 1903 года, показывает, что деяния аналогичные или сходные изложенным в главе 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», нарушениям избирательных прав и личных прав граждан не предусматривалась. При этом предусматривалась ответственность за нарушение трудовых и сходных с ними прав граждан. В первую очередь, охранялись безопасные условия труда, поскольку случаи производственного травматизма, гибели и увечий, трудящихся на горных и прочих опасных производствах были довольно частыми. Как отмечают исследователи уголовной ответственности за нарушение безопасных условий труда, первые документально подтверждённые нормативные предписания на этот счёт имелись у Петра I. В последствии уголовные запреты развивались в связи со случаями крупных аварий и производственных травм [21, с. 60-66], [23, с. 60-66], [78, с. 15-37].

В целом, следует также указать, что «Уголовное уложение 1903 года, то есть уголовное законодательство Российской империи, для уровня того времени, было современным нормативно-правовым актом, основанным на

традициях романо-германской правовой системы, который в достаточной степени обеспечивал необходимый уровень охраны личности от преступных посягательств» [38, с. 128].

Далее рассмотрим уголовно-правовую охрану личности в советский период. «Как и в другие времена, в период революции в 1918-1921 годах, уголовно-правовой охране подлежала, прежде всего, жизнь и здоровье граждан. В силу «перекосов» того периода, революционными органами предоставлялось право «совершения правосудия» способом расстрела на месте за наиболее тяжкие преступления против личности. Среди основных тенденций того периода так же укажем на отказ от идеи привлечения женщины к уголовной ответственности за совершение аборта под предлогом заботы о её здоровье. При этом, была сохранена практика привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста за совершение тяжких преступлений против личности, таких как умышленное убийство, причинение тяжких ран и увечий.

В 1922 году был принят первый в советской истории УК РСФСР. В данном кодексе в качестве отдельной главы были предусмотрены преступления, посягающие на жизнь, здоровье, свободу и достоинство личности. Таким образом, акцентировалось внимание на отдельных охраняемых свойствах (проявлениях) личности. В качестве особенностей отметим, что на протяжении приблизительно 6 месяцев (до отмены данной нормы) считалось непроступным совершение убийства из сострадания к потерпевшему, в т.ч. в тех случаях, когда потерпевший самостоятельно просил облегчить его страдания» [47, с. 14].

Далее рассмотрим особенности регламентации уголовной ответственности за преступления против трудовых, избирательных и прочих конституционных прав граждан в этот исторический период. Что касается УК РСФСР 1922 года, то в последнем, например, термин «избирательные права» употреблялся только в качестве примера наказаний (нарушение активного и пассивного избирательного права) [60]. Что касается трудовых прав, то

отметим, что указанный источник содержит множество случаев употребления термина «трудящийся» или аналогичных ему, однако только в политическом контексте. Например, УК РСФСР 1922 года предусматривал уголовную ответственность за дискредитацию власти, которая предусматривала наказание за такое выполнение служебных обязанностей, которое понижало авторитет государственной власти в глазах «трудящихся». При этом, имелась место ответственность за трудовое дезертирство (ст. 126 УК РСФСР 1922 года), ответственность за нарушение трудового законодательства (ст. 132 УК РСФСР 1922 года), проставление трудящихся в такие условия, в которых он утратил свою трудоспособность (ст. 156 УК РСФСР 1922 года) и т.п.

Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних в указанный период не имело ярко-выраженных границ. Так, в обозначенном УК РСФСР 1922 года несовершеннолетний «защищался» от преподавания ему религиозных и прочих подобных вероучений (ст. 121 УК РСФСР). Интересно также отметить, что в указанный период, очевидно, имела место проблема самоубийств несовершеннолетних, поскольку в ст. 148 УК РСФСР предусматривалась ответственность за склонение или подговор несовершеннолетнего к самоубийству. В связи с этим, отметим, что подобные нормы в действующем УК РФ 1996 года появились совсем недавно. Также отметим, что охранялась и половая неприкосновенность несовершеннолетнего, поскольку была предусмотрена уголовная ответственность за развращение несовершеннолетнего (ст. 168 УК РСФСР).

В последствии, был принят УК РСФСР 1926 года, который, как отмечают исследователи характеризовался высокой степенью идеализации. В данном нормативном источнике «преступления против личности были определены как менее общественно-опасные посягательства, нежели преступления против государственной собственности (последняя, как и государство в целом, охранялось в значительно большей степени). Считалось, что такая иерархия степени важности объектов уголовно-правовой охраны исходит из совмещения интересов отдельного лица и интересов

социалистического государства и общества в целом, отсутствия необходимости разделения публичного и частного права.

К преступлениям против личности, в УК РСФСР 1926 году были отнесены следующие группы: направленные на лишение жизни человека (умышленное убийство, его различные виды, доведение до самоубийства и способствование (содействие) этому); причинение вреда здоровью в виде телесных повреждений различной степени опасности (как умышленные, так и неосторожные, а также заражение венерической болезнью); преступные действия, которые создают угрозу для жизни и здоровья других лиц (совершение аборта, оставление детей в опасности, оставление больного без помощи); преступления против половой свободы и неприкосновенности; преступления направленные на ограничение или лишение человека свободы (насильственное незаконное лишение свободы другого лица, его похищение, в том числе, похищение детей и т.п.); против чести и достоинства другого лица (оскорбление и клевета)» [47, с. 15].

Отдельно следует указать на «минимальную «планку» возраста привлечения к уголовной ответственности. За отдельные преступления, например, за убийство матерью новорождённого ребёнка, уголовная ответственность начиналась с 12-летнего возраста» [47, с. 15].

Если рассматривать половые преступления, то в УК РСФСР 1926 года уголовно-наказуемым являлось как «простое изнасилование, так и противоправное принуждение к вступлению в половую связь используя в качестве понуждающего фактора материальную или служебную зависимость женщины от преступника. Кроме того, уже в те времена охранялось нравственное развитие, психическое и физическое здоровье несовершеннолетних, поскольку была предусмотрена уголовная ответственность за вступление в половую связь с лицом, которое не достигло половой зрелости, совершение действий развратного характера в отношении малолетнего и несовершеннолетнего. Кроме того, были криминализованы

такие деяния, как мужеложство, двоежонство, кровосмешение, проституция и т.п.» [37, с. 214].

Дальнейшее развитие советской уголовно-правовой науки и практики применения уголовного закона привело к тому, что в 1959-1961 годах в республиках СССР была проведена очередная реформа уголовного законодательства, приведшая к принятию УК РСФСР 1960 года и УК в других союзных республиках.

Так, в УК РСФСР в III главе была предусмотрена уголовная ответственность за совершение преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. В данную главу были включены как «преступления, непосредственно причиняющие вред личности, её жизни, здоровью, нарушающие его личную свободы, достоинство и половую неприкосновенность, так и преступления, только создающие потенциальную угрозу такого нарушения. В части преступлений, посягающих на жизнь и здоровье, уголовно-правовые традиции оставались практически неизменными. Из нововведений необходимо отметить появление преступлений, ставящих жизнь и здоровье других людей в опасность. К таким преступным посягательствам были отнесены незаконный аборт, неуплата алиментов, использование опекунских обязанностей с излечением собственной выгоды, разглашение тайн усыновления, оставление в беспомощном состоянии, неоказание больному медицинской помощи лицом, на которое возложены такие обязанности» [34, с. 15].

Далее рассмотрим особенности уголовной ответственности за преступления, посягающие на трудовые, избирательные и некоторые другие права, и свободы человека и гражданина. В ранее действующем УК РСФСР 1960 года [61] часть из данных деяний содержалась в главе четвёртой, носившей название «преступления против политических, трудовых и иных прав и свобод граждан». Отметим, что название данной главы представляется в большей степени соответствующим действительности, поскольку в действующем варианте обозначение «конституционные права» не позволяет

определить характер соответствующих преступных посягательств, так как право на жизнь и здоровье, право на личную неприкосновенность, половую неприкосновенность также являются конституционными правами, однако размещены в других главах соответствующего раздела Особенной части УК РФ. Что касается содержания главы 19 Особенной части УК РФ, то в последней содержатся нормы, предусматривающей ответственность за посягательства против тех же трудовых, избирательных прав граждан, а также права на равноправие, права на информацию, интеллектуальных прав, прав на неприкосновенность жилища, частной жизни и т.п. Все перечисленные блага, безусловно, предусмотрены в первую очередь, Конституцией РФ.

Однако, повторимся, что охарактеризовать их в качестве конституционных это значит стереть грань между теми же преступлениями против жизни и здоровья и прочими, в основе объекта которых лежит предусмотренное Конституцией РФ право. Что касается главы 4 УК РСФСР 1960 года то в последней «объём» защиты конституционных прав граждан был несколько меньший, при этом была предусмотрена уголовная ответственность за нарушение избирательных, трудовых прав, равноправия женщин, тайны переписки и прочих прав. При этом, терминологического несоответствия в названии главы в сравнении с другими главами Особенной части УК РФ, не было. В связи с этим, необходимо констатировать, что ранее имевшееся название главы в большей степени отображало её сущность и позволяло выделить группу «помещённых» в неё преступлений, в сравнении с другими.

Следующим уголовным законом в отечественной правовой истории является УК РФ 1996 года, система преступлений против личности которого является закономерным продолжением развития отечественной уголовно-правовой доктрины.

1.2 Виды преступлений против личности по российскому уголовному законодательству

Анализ положений Особенной части УК РФ позволяет сделать вывод о том, что преступления против личности посвящён седьмой раздел. При этом данный раздел расположен первым по счёту в структуре Особенной части, что можно расценивать как то, что «личность» является наиболее охраняемым и первостепенным благом, ценностью в сравнении с другими объектами, охраняемыми уголовным законодательством.

Также принято считать, что при построении структуры Особенной части УК РФ, законодатель сгруппировал разделы и главы исходя из родового и видового объекта, на которые посягают те или иные запрещённые уголовным законом деяния. В связи с чем, идентичность такого объекта, их сходство или «родство» для различных деяний послужили основанием для отнесения преступлений к соответствующим главам или разделам. В связи с этим, отметим, что в уже обозначенном седьмом разделе УК РФ, посвящённом уголовно-правовой охране личности, содержится пять глав (главы 16-20), которые посвящены уголовно-правовой охране следующих видовых объектов (ценностей): жизнь и здоровье; свобода, честь и достоинство личности; половая неприкосновенность и половая свобода личности; конституционные права и свободы человека и гражданина; семья и несовершеннолетние.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в рамках данной главы собраны кардинально противоположные и не сходные между собой «типы» преступных действий: как те, которые непосредственно посягают на физический и материальный аспект существования человека, его телесное здоровье, так и те, которые посягают на социальные аспекты функционирования личности: предоставленные ему от рождения права и свободы естественно-правового характера (права на свободу личную неприкосновенность, половую свободу и т.п.), а также права и свободы, обусловленные текущим уровнем развития правовой системы (избирательные

права и т.п.). По смыслу обозначенной конструкции седьмого раздела, все перечисленные охраняемые уголовным законом группы общественных отношений, охраняемые ценности, в своей совокупности, непосредственно относятся к личности человека.

При этом отметим, что в науке уголовного права отсутствует однозначное и общепринятое представление относительно содержания «личности» как охраняемого уголовным законом объекта. Данный вопрос будет предметно рассмотрен в следующей главе, посвящённой анализу объекта преступлений против личности. При этом, для целей настоящего параграфа, личность будет пониматься как совокупность взаимосвязанных физических, психологических и социальных аспектов человека.

В связи с этим, учитывая применённый законодателем подход по делению преступлений против личности в зависимости от видового объекта преступного посягательства, последние могут быть разделены на следующие виды:

- группа преступлений, посягающих на жизнь и здоровье человека;
- группа преступлений, посягающие на свободу, честь и достоинство личности;
- группа преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности;
- группа преступлений, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина;
- группа преступлений, посягающих на семью и несовершеннолетних.

Осуществляя анализ нормативно-правового регулирования преступлений против личности, отметим значительный объём данной тематики, в связи с чем, в анализе нормативной составляющей будет сделан основной акцент на последние законодательные нововведения в соответствующих главах УК РФ. Как отмечает С.Н. Белясов, «преступления против жизни и здоровья. Отметим, что преступления против жизни и здоровья предусмотрены в главе 16 УК РФ в которой, на данный момент,

расположено 24 статьи, предусматривающих ответственность за совершение деяний родовым объектом, которых является жизнь и здоровье человека.

Таким образом, в научной доктрине уголовного права отсутствует единая позиция относительно определения объектов преступлений против жизни и здоровья. Право на жизнь - неотъемлемое, абсолютное право человека, от которого производны все остальные права и свободы. Данные права появляются у человека с момента его рождения, а именно - с момента отделения плода от организма матери посредством родов. Законодательное определение момента рождения дано в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [8, с. 76].

Одним из последних нововведений в данный раздел, была криминализация в 2019 году деяний, связанных с противодействием лицом сотрудникам медицинской скорой помощи в следовании к нуждающемуся в ней лицу, а также иное воспрепятствование (была внесена ст. 124.1 УК РФ «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи» [64]). Введение ответственности за данные деяния было связано с получившими широкую огласку резонансными случаями безразличного отношения отдельных граждан к попыткам сотрудникам скорой медицинской помощи добраться до нуждающихся в ней, и даже воспрепятствование таким действиям.

В целом, представляется, что криминализация такого деяния вполне оправдана. Во-первых, оно обусловлено с точки зрения представлений о морали и нравственности о добросовестном поведении членов общества. Гражданин должен понимать, что следование машин скорой помощи или сотрудников скорой помощи в определённое место обусловлено возможной необходимостью оказания неотложной медицинской помощи нуждающемуся, в связи с тем, что жизнь и здоровье нуждающегося находится под угрозой и промедление в получении такой помощи может иметь трагические последствия. При этом, также не следует забывать, что жизни и здоровье человека представляют собой наивысшую ценность, охраняемую правом.

С другой стороны, необходимо отметить, очевидную тенденцию, согласно которой зачастую содержание тех или иных нововведений в УК РФ связано с ориентацией на общественное мнение, на реакцию общества на те или иные случаи, которые приобретают резонанс. В рассмотренном выше примере это несколько случаев связанных с не пропуском машин скорой медицинской помощи, по причине которых, медицинские работники возможно не могли предотвратить смерть граждан. В качестве следующих примеров необходимо привести давнюю проблему борьбы с семейным насилием и проблему самоубийств несовершеннолетних. Изменение уголовной политики государства в этом направлении также происходило по причине крайне негативного общественного «отклика» на вопиющие случаи преступлений в данных сферах.

Так, в 2017 году с принятием ФЗ от 07.06.2017 № 120-ФЗ [66] ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» была изложена в новой редакции. Суть изменений заключается в том, что основной состав доведения до самоубийства остался таким же, но была добавлена часть вторая, в которой теперь предусмотрены квалифицированные составы доведения до самоубийства.

Кроме того, ФЗ от 07.06.2017 № 120-ФЗ в УК РФ, в указанный раздел был дополнен ещё двумя «новыми» составами, а именно: ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

«Следующим направлением законодательных изменений в сфере уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья является изменения ответственности за причинение побоев. Так, с принятием ФЗ от 07.02.2017 № 8-ФЗ были внесены изменения в ст. 116 УК РФ «Побои» [67], которым фактически декриминализировались деяния, связанные с нанесением побоев или причинение физической боли в отношении близких лиц. С указанного период времени, ответственность за совершение таких деяний наступала только в административном порядке. На данный момент остаются

криминализованы только побои, совершённые из хулиганских побуждений, а также по различным дискриминационным мотивам (политическая, расовая, религиозная ненависть и т.п.)» [28, с. 324].

В свою очередь, вышеуказанные деяния теперь относятся к признакам правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 года № 195-ФЗ [25] (далее – КоАП РФ). Необходимым условием наступления такой ответственности является отсутствие в действиях правонарушителя признаков преступлений, предусмотренных уголовным законодательством.

Вместе с тем обратим внимание, что ФЗ от 03.07.2016 № 323-ФЗ [69] одновременно с этим введена уголовная ответственность за причинение побоев лицом, ранее подвергнутым административной ответственности за причинение побоев по вышеуказанной статье КоАП РФ. Иными словами, «законодатель, декриминализуя ответственность за бытовые побои, одновременно с этим и предусматривает механизм привлечения правонарушителя к более строгому виду ответственности, при условии, что последний не станет на путь исправления после применения к нему мер, предусмотренных законодательством РФ об административных правонарушениях.

Обратим внимание на то, что в связи с возникшей дискуссией относительно целесообразности вышеуказанных изменений, Конституционным Судом РФ (далее – КС РФ) в 2021 году рассматривался вопрос о соответствии ст. 116.1 УК РФ положениям Конституции РФ. Согласно принятого КС РФ 08.04.2021 г. постановления № 11-П, «статья 116.1 признана не соответствующей Конституции РФ, в той мере, в какой она не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту права на личную неприкосновенность и права на охрану достоинства личности от насилия в случае, когда побои нанесены или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, совершены лицом, имеющим судимость за предусмотренное в этой статье или аналогичное по объективным признакам

преступление, ведет к неоправданным различиям между пострадавшими от противоправных посягательств, ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию» [39].

Преступления против свободы, чести и достоинства личности предусмотрены в главе 17 УК РФ в которой, в настоящий момент находится шесть статей, предусматривающих ответственность за похищение человека (ст. 126 УК РФ), за незаконное лишение свободы человека (ст. 127 УК РФ), за торговлю людьми (ст. 127.1 УК РФ), за использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ), за незаконную госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ), и за клевету (ст. 128.1 УК РФ) [74].

Анализ доктринальных взглядов на данные преступления, позволяет сделать вывод о том, что в качестве отдельных «подвидов» объектов необходимо выделять преступления против свободы человека и преступления против чести и достоинства личности. Так, «под «свободой» в гл. 17 УК понимается совокупность ряда других свобод и свобод в составе прав, а именно: право на свободу и личную неприкосновенность, право на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства, право на свободный труд» [38, с. 127]. Применительно к ст. 127.1 УК правильно подчеркнуто, что «свобода здесь определяется возможностью субъекта «проявлять свою волю», в т. ч. действовать, поступать и, главное, выбирать место своего пребывания самостоятельно, т. е. личная свобода человека не должна выступать объектом сделок [38, с. 127].

Необходимо отметить нововведения, которые связаны с уголовной ответственностью за клевету. Так, с 01.01.2021 года вступили в силу изменения в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, согласно которых к действиям, совершённым публично также приравниваются действия (клевета), совершённые в сети «Интернет», а также клевета, совершённая в отношении нескольких лиц, либо в отношении неопределённого круга лиц (не персонализированная клевета)

[63]. Иными словами, уголовно-наказуемым деянием теперь будет являться распространение заведомо недостоверных сведений, порочащих честь и достоинство, например, в отношении определённой социальной, профессиональной группы. В этой связи конкуренцию клевете создают аналогичные действия, направленные в отношении не персонализированной группы лиц, объединённой по религиозному или национально-культурному признаку (ст. 282 УК РФ). Вопрос разграничения данных норм должен быть решён на уровне разъяснений Пленума ВС РФ.

Также необходимо отметить тенденцию усиления ответственности за клевету, поскольку в соответствии с теми же нововведениями, была повышен максимальный предел наказания, который теперь равняется двум годам лишения свободы (ранее санкции в виде лишения свободы не было предусмотрено).

Кроме того, в 2013 году ст. 128 УК РФ предусматривающая уголовную ответственность за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, была изложена в новой редакции [70]. Изменения были связаны с необходимостью приведения данной нормы в соответствие с принятым незадолго до этого, медицинским законодательством.

Основные изменения в данной главе имели место в 2012 году, и они связаны с криминализацией ответственности за клевету [69], которая за год до этого была декриминализована [75]. Кроме этого, в 2011 году была декриминализованы близкие по смыслу, но всё-таки отличающиеся деяния, связанные с оскорблением (ст. 129 УК РФ), а именно: унижение чести и достоинства лица, совершённое в неприличной форме. Таким образом, в указанный период времени имела место непоследовательность законодателя в данном вопросе, что также породила дискуссию в обществе и в научных кругах. С момента повторной криминализации клеветы и до настоящего момента прошло уже 8 лет, что свидетельствует о правильности внесённых изменений.

Ответственность за совершение преступлений общим родовым объектом которых является половая неприкосновенность и половая свобода личности, предусмотрена в главе 18 УК РФ, которая включает в себя пять статей, предусматривающих уголовную ответственность за: изнасилование (по ст. 131 УК РФ), за насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ); за понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ); за развратные действия (ст. 135 УК РФ).

В науке одним из наиболее распространенных определений данного вида преступлений является следующее: «предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на половые отношения, присущие сложившемуся в обществе половому укладу, заключающиеся в умышленном совершении с целью удовлетворения половой потребности субъекта или другого определенного лица сексуальных действий, нарушающих половые интересы потерпевшего или нормальные для этого уклада половые отношения между лицами разного пола» [11, с. 116-120].

Последние изменения в данный раздел были внесены в 2009-2013 годах [71], [73], [76]. Так, были внесены изменения в ст. 134 УК РФ в части изменения формулировки диспозиции данной нормы. Ст. 134 УК РФ, после указанных изменений была изложена следующим образом: «предусмотрена ответственность за совершение полового сношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста».

Изменения в ст. 134 УК РФ касались того, что такие действия сексуального характера, как мужеложство или лесбиянство были перемещены из диспозиции ч. 1 указанной нормы, в ч. 2. Таким образом, перечисленные действия на законодательном уровне были признаны как несущие в себе большую общественную опасность в сравнении с сексуальными действиями «традиционного» характера. Такие действия теперь наказуемы более строго.

Изменения 2012 года в ст. 135 УК РФ связаны с тем, что из состава указанного преступления был исключён такой признак субъективной стороны, как предвидение преступником того, что потерпевший является лицом, не достигшим возраста 16 лет. То есть, исключён признак «заведомости». В настоящий момент, имеет признак объективного вменения, по «факту» возраста потерпевшего лица.

Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина предусмотрены в главе 19 УК РФ, в которой расположено 20 статей, которые предусматривают ответственность за совершение преступлений разного рода.

Это обуславливает и отсутствие у учёных единого отношения к группе преступления, сформированных в рамках данной главы и единого подхода к пониманию природ данных преступных посягательств. Так, существует подход, согласно которого обозначенная группа преступлений трактуется как «предусмотренные в уголовном законодательстве деяния, непосредственно направленные на нарушение гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод любого человека и гражданина»)» [79, с. 57] или в как, предусмотренные «уголовным законом общественно опасные деяния, непосредственно посягающие на общественные отношения по поводу реализации наиболее важных человеческих потребностей (в творчестве, безопасности и защите, управлении, познании, уважении), права на обеспечение которых закреплены в Конституции Российской Федерации» [79, с. 57].

В указанной главе расположены следующие нормы: «ст. 136. Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина, ст. 137. Нарушение неприкосновенности частной жизни, ст. 138. Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, ст. 138.1. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ст. 139. Нарушение неприкосновенности жилища, ст. 140. Отказ в предоставлении гражданину

информации, ст. 141. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, ст. 141.1. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума; ст. 142. Фальсификация избирательных документов, документов референдума, ст. 142.1. Фальсификация итогов голосования, ст. 142.2. Незаконные выдача и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, ст. 143. Нарушение требований охраны труда, ст. 144. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, ст. 144.1. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста, ст. 145. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, ст. 145.1. Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат; ст. 146. Нарушение авторских и смежных прав, ст. 147. Нарушение изобретательских и патентных прав, ст. 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий, ст. 149. Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них» [79].

Часть из перечисленных преступлений можно отнести к группе так называемых «электоральных преступлений». Электоральные преступления - это преступные деяния, предусмотренные несколькими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ): ст. 141. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий; ст. 141.1. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума; ст. 142. Фальсификация избирательных документов, документов референдума; ст. 142.1. Фальсификация итогов голосования; ст. 142.2. Незаконные выдача и

получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме. Их высокая общественная опасность выражается прежде всего в объекте: они посягают на конституционные права граждан. Так, необходимо отметить, что в 2017 году ФЗ от 29.07.2017 № 249-ФЗ [68] в главу 19 УК РФ была введена ст. 142.2 УК РФ, которая предусматривает ответственность за совершение незаконной выдачи и получения избирательного бюллетеня или бюллетеня для голосования на референдуме.

Наиболее актуальные (последние) изменения в данной главе имели место в 2020 году с принятием 01.04.2020 г. ФЗ № 94-ФЗ, согласно которого в диспозицию ст. 141 УК РФ, предусматривающей ответственность за воспрепятствование свободному голосованию, был введён термин «общероссийское голосование» [62]. Аналогичные изменения были внесены и в ст. 142.1 УК РФ (фальсификация результатов голосований), фальсификация результатов голосований (ст. 142.2 УК РФ), незаконная выдача и получение бюллетеня (ст. 142.2 УК РФ). Смысл данных нововведений в том, чтобы обеспечить уголовно-правовую охрану такой формы народовластия, как «общероссийское голосование», который, по существу, представляет собой большой «узаконенный» социологический опрос. Такая форма народовластия была введена в 2020 году с принятием ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [17].

Среди других изменений отметим те, которые были внесены с принятием ФЗ от 28.12.2013 № 432-ФЗ. Согласно указанного ФЗ в ст. 137 УК РФ, предусматривающую ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, была введена ч. 3, «согласно которой отдельно предусмотрена ответственность за распространение информации в отношении лица не достигшего 16-ти летнего возраста публичным способом (либо в сети «Интернет», в СМИ и т.п.) которая идентифицирует последнего как личность потерпевшего по уголовному делу, либо информации, которая описывает содержание полученных последним страданий в результате совершения в

отношении последних преступных действий, если эти действия повлекли общественно опасные последствия в виде причинения вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия»[72].

Также в 2018 году была введена уголовная ответственность за необоснованный отказ в приёме на работу или незаконное увольнение лица, достигшего пенсионного возраста [65] (ст. 144.1 УК РФ). Криминализация данного деяния, как представляется, связана с тем, что государство понимает уязвимость соответствующей категории граждан, а также необходимость обеспечения последним равных условий труда, доступа к возможности заработка. По сути, данный вид преступления является разновидностью нарушения конституционного принципа равенства всех независимо от любых критериев.

Преступления против семьи и несовершеннолетних. Данные преступления помещены в главу 20 УК РФ, среди которых предусмотрены следующие составы: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ); розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ); подмена ребенка (ст. 153 УК РФ); незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ); разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ); неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ); неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ) [64].

В науке существует множество позиций относительно определения преступлений, направленных против семьи и несовершеннолетних. Среди таких позиций также существует мнение о том, что преступления против семьи неверно расположены в структуре Особенной части УК РФ в качестве «вида» преступлений против личности [1, с. 27]. В частности, по мнению З.Р.

Ханова, «семья - это социальный институт, обладающий своими специфическими особенностями: для членов семьи свойственны очень близкие, интимные отношения, как правило, характеризующиеся доверием, любовью, привязанностью друг к другу, взаимовыручкой. Именно поэтому данные взаимоотношения не могут в полной мере контролироваться государством, его органами, общественными организациями, вообще кем бы то ни было» [77, с. 95-97].

В целом же рассматриваемую группу преступлений, исходя из особенностей объекта уголовно-правовой охраны, можно охарактеризовать как преступления посягающие общественные отношения по обеспечению нормального физического и духовного развития несовершеннолетнего и семейные отношения [77, с. 95].

Среди основных нововведений, стоит отметить, введение в 2017 году ст. 151.2 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего» [66].

Принятие данной нормы является частью государственной политики последних лет, направленной на противодействие существующих тенденций деструктивного влияния на детское поколение при помощи различных информационных ресурсов в сети «интернет», в т.ч. при помощи социальных сетей. Данная норма дополняет такие статьи, как доведение несовершеннолетнего до самоубийства, вовлечение несовершеннолетнего в преступную или другую антиобщественную деятельность.

В подведение итогов проведённого исторического анализа отметим, что разносторонность групп преступлений, относимых к преступлениям против личности, обуславливает их такую особенность, как неравномерность исторического развития. Нормы об ответственности за лишение жизни, об ответственности за похищение человека, охраняющие половую свободу и неприкосновенность были исторически обусловлены, существовали с древнейших времён во всех известных современной науке древних правовых источниках. Особенность в сравнении с современным периодом заключалась

в том, что, например, жизнь и здоровье человека в системе «ценностей» объектов уголовно-правовой охраны долгое время не находилось на первом месте, поскольку первостепенной охране подлежало государство, его правящий класс или сословие (в период Российской империи – монарх, в период советской власти – государство как таковое). Кроме того, на протяжении длительного исторического периода, существовала дифференциация ответственности за лишение жизни и причинение вреда здоровью человека в зависимости от признаков сословия и прочих обстоятельств (например, «внутрисемейное» насилие над женщиной или ребёнком долгое время не было уголовно-наказуемым).

Также можно констатировать, что группа преступлений, предусматривающих ответственность за посягательства на избирательные, трудовые и прочие личные права граждан в историческом контексте развивалась неравномерно. Из перечисленных категорий наиболее давнюю историю имеет развитие уголовной ответственности за нарушение требований об охране труда, в результате которых наступала смерть или увечья рабочих, кроме того, в период существования Российской империи карались и другие нарушения трудовых прав. С возникновением советского государства уровень уголовно-правовой охраны трудовых прав заметно повысился. С принятием в 1960 году УК РСФСР уголовным законом начали охраняться не только трудовые, но и избирательные права граждан, права на личную неприкосновенность, права на защиту от дискриминации и прочие. Данные нормы получили своё дальнейшее развитие в разделе 19 УК РСФСР 1996 года которые дополняются «новыми» нормами о защите тех или иных прав граждан, закреплённых уже в Конституции 1993 года.

В подведение итогов написания данного раздела, отметим, что проблем правового регулирования в главе «преступления против личности» существует множество. Необходимо признать очевидные достижения законодателя в части криминализации таких деяний, как клевета, поскольку с усилением информационных процессов в современном обществе, особое

значение приобретает установление чётких и однозначных правил и запретов в данной сфере. Важными также является предпринятые законодателем «шаги» в направлении охраны прав и свобод несовершеннолетних, которые выразились как в криминализации деяний, связанных с доведением до самоубийства (соответствующие нормы были расположены в главе 16 УК РФ), так и в усилении ответственности за преступления против несовершеннолетних в «профильной» 20- главе УК РФ. Однако, далеко не всегда предпринятые законодателем меры имеют свой положительный эффект. Это касается вышеобозначенных нововведений, поскольку их эффективность во многих случаях, оставляет желать лучшего (как применённые законодателем формулировки, так и в целом концепции нововведений).

Одним из таких примеров являются предпринятые уголовно-правовые меры по борьбе с семейно-бытовым насилием, которые выразились во введении ст. 116.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за нанесение побоев лицом, которое ранее было подвергнуто административному наказанию за такое же деяние. В обществе и среди специалистов, учёных по этому поводу возникают активные дискуссии.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика преступлений против личности

2.1 Объект и объективная сторона преступлений против личности

Объект и объективная сторона преступления относятся к объективным признакам преступления. Избранная тема направлена на исследование преступлений против личности в целом, а, следовательно, раскрывая содержания признаков состава преступлений против личности, необходимо преследовать цель выявления наиболее общих признаков, выделяя, в качестве исключения, особенности тех или иных преступных деяний.

В связи с этим, исключительно важное значение имеет точное определение единого объекта преступного посягательства для всех без исключения преступлений рассматриваемой группы.

В основе каждого охраняемого уголовным правом объекта преступления имеется определённое правовое предписание, норма права, которая предписывает всем или определённым участникам общественных отношений действовать тем или иным образом, или воздержаться от определённого поведения. Таким образом, в законодательстве определена ценность (право человека), либо установлен порядок осуществления общественных отношений, нарушения которого несут в себе такую степень общественной опасности, что законодатель принял защищать их средствами и возможностями уголовного права.

В связи с этим, отметим, что основу правового регулирования наиболее значимых сфер общественных отношений всегда составляет Конституция РФ. Как представляется, основным конституционным положением относительно охраны личности, является ст. 2 Конституции РФ, согласно которой провозглашался принцип наивысшей ценности человека, его прав и свобод.

Кроме этого, «тематика» прав и свобод человека раскрыта и в других положениях Конституции. Например, в той или иной степени закрепляется

право человека и гражданина на охрану его жизни, здоровья, чести и достоинства, например, ч. 1 ст. 20 «Каждый имеет право на жизнь» [24] (в контексте с ч. 2 этой статьи рассматривается запрет на смертную казнь, но можно толковать и шире). В ч. 1 ст. 21 Конституции указывается, что «Достоинство личности охраняется государством» [24]. В Ч. 1 ст. 22 Конституции указывается, что «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [24]. Провозглашая право каждого человека и гражданина на жизнь, охрану государством достоинства личности, свободу и личную неприкосновенность, Конституция гарантирует их равенство (ст. 19) и защиту в установленном законом порядке.

При этом, «в рамках родового объекта можно выделить указанные в законе видовые объекты, включающие близкие (тождественные) общественные отношения, охраняемые нормами, включёнными в главы раздела о преступлениях против личности УК РФ. Они классифицированы законодателем следующим образом: а) преступления против жизни и здоровья (глава 16 - статьи 105 - 125); б) преступления против свобод, чести и достоинства личности (глава 17 - статьи 126 - 130); в) преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (глава 18 - статьи 131 - 135); г) преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (глава 19 - статьи 136 - 149); д) преступления против семьи и несовершеннолетних (глава 20-статьи 150-157)» [22, с. 116].

Повторимся, что, исходя из логики законодателя, все перечисленные виды объектов в своей совокупности связаны с категорией «личность». Однако, значение и содержание такой категории законодательно не определено. Значение выяснения данного вопроса заключается в том, что группу «преступлений против личности» законодатель определил, как преступления, связанные с непосредственным «телесным» воздействием на человека, так и преступления, связанные с посягательством на его социальные и политические права. В связи с этим, возникает логичный вопрос о том, по каким признакам (критериям) данные преступления объединены в одну

группу, а установление законодательного определения термина «преступления против личности», позволит выявить общие и отличительные черты таких преступлений.

Как показывает проведённый анализ, в отечественной уголовно-правовой доктрине отсутствует единый подход к определению данного понятия. А существующие подходы не позволяют выделить его существо.

В попытке найти общие черты, обратимся к Н.Г. Иванову, который отмечает, что «в соответствии со ст. 2 Конституции РФ провозглашается принцип наивысшей ценности человека, его прав и свобод. При этом человек-понятие биологическое, которое характеризует индивида с точки зрения его физиологических свойств, относя его к высшим существам живой природы. Личность – понятие подчинённое, которое характеризует человека с точки зрения его социальных свойств. Учитывая подчинённость понятия личность понятию человек, можно с уверенностью утверждать, что человек есть уникальное единство биологического и социального» [18, с. 24]. Действительно, если ассоциировать личность исключительно с фактором биологическим (с биологической составляющей), то в таком случае к преступлениям против личности допустимо будет относить исключительно те виды преступных посягательств, которые направлены на непосредственное причинение вреда человеку как существу биологическому. Это, в большей степени, все случаи причинения вреда жизни и здоровью, возможно, преступления против половой свободы и неприкосновенности и т.п.

Однако такой подход абсолютно исключает возможность отнесения к преступлениям против личности тех, посягательств, которые не носят «телесный» характер, например, направленные против семьи и детства, против принадлежащих человеку благ социального характера (против чести и достоинства, против конституционных прав и т.п.).

С другой стороны, обратим внимание на В.И. Толмосова, который закономерно обращает внимание на положения Основного закона, которые закрепляют следующие права человека личностного характера, а именно

«право человека и гражданина на охрану его жизни, здоровья, чести и достоинства, например, ч. 1 ст. 20 «Каждый имеет право на жизнь» (в контексте с ч. 2 этой статьи рассматривается запрет на смертную казнь, но можно толковать и шире). В ч. 1 ст. 21 Конституции «Достоинство личности охраняется государством». Ч. 1 ст. 22 «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Провозглашая право каждого человека и гражданина на жизнь, охрану государством достоинства личности, свободу и личную неприкосновенность, Конституция гарантирует их равенство (ст. 19) и защиту в установленном законом порядке» [47, с. 10-11].

Первый вывод, который можно сделать исходя из данного положения, это всё-таки различие подходов (нормативной техники, техники изложения нормы права), которая имеет место в Конституции в УК РФ. Это вполне логично, поскольку, полной согласованности между высшим актом конституционного законодательства и одним из отраслевых кодексов сфера регулирования, которого имеет собственную специфику, быть не может. Иными словами, в Конституции РФ, человек как участник правоотношений наделён и правами биологического характера и социального одновременно и между последними не делается никаких различий. Однако, исходя из того, что УК РФ как источник права меньшей юридической силы, детализирует положения Конституции РФ, определяет меры юридической ответственности за наиболее общественно-опасные посягательства на охраняемые Конституцией блага, детализация на отраслевом уровне прав социальных и биологических вполне допустима. Кроме того, в рассмотренных положениях Конституции РФ употребляется термин «каждому», который в равной степени может характеризовать объект регулирования и как человека в биологическом смысле и как социальное существо.

В аспекте конституционного регулирования прав личности обратим внимание на позицию отечественного правоведа И.В. Михайловского, который высказывает мнение о том, что «право создает вокруг личности определенную сферу, где личность является центром, где все и каждый

обязаны уважать ее волю, не могут посягать на ее свободу, подчиняются ее власти. А это в результате дает энергичного, крепкого духом человека, готового бороться и за свое право, и за право вообще, а вместе с тем уважающего чужое право» [22, с. 116]. Такой «человеко-центристский» подход вполне согласуется с процитированным выше конституционным положением о человеке, его правах и свободах, как о высшей ценности в государстве и обществе. Среди прочего это и обуславливает расположение главы, посвящённой преступлениям против личности, первой в структуре Особенной части УК РФ.

Выше отмечалось о таком «недостатке» подходов определения преступлений против личности, как перечисление видовых объектов преступлений, объединённых в одноимённую главу УК РФ. Не отказываясь от такого утверждения, отметим, что всё-таки, объект преступного посягательства, вернее его существо, имеет определяющее значение для идентификации группы преступлений против личности. В теории уголовного права личность как объект преступного посягательства также носит дискуссионный характер, на это указывается как в научной, так и в учебной литературе [2, с. 6-8], [57].

Среди прочего существуют и подходы, которые критикуют действующее наименование рассматриваемой группы преступлений. В качестве примера можно указать на Л.Г. Мачковского, по мнению которого «соответствующий родовой объект преступления следует определять шире, не ограничивая его рамками «личности», «поскольку речь идет об охране интересов именно человека, а не его личности» [32, с. 77]. Таким образом, учёный предлагает переименовать раздел 7 УК РФ заменив термин «личность» на термин «человек».

Ещё одним сторонником такого подхода выступает И.Р. Шикула, который в кандидатской диссертации посвящённой вопросам потерпевшего в преступлениях против личности, пришёл к следующему выводу: «целесообразно, в целях конкретизации уголовно-правовых признаков

потерпевшего и устранения недостатков юридической техники, использовать в гл. 16 УК РФ «преступления против жизни и здоровья» в отношении потерпевшего, как признака состава преступления, термин «человек» отграничивая его тем самым от «лица» - субъекта преступления, поскольку в статьях данной главы термин «лицо» употребляется одновременно, как в отношении субъекта, совершившего преступление, так и в отношении человека, лишённого жизни или которому виновным причиняется вред здоровью» [82, с. 10].

Как мы можем наблюдать, И.Р. Шикула использует сразу несколько аргументов. Первые из них относятся к устранению якобы существующих недостатков юридической техники, которые, связаны с одновременным использованием терминов «человек», «лицо». При этом последний – одновременно и в отношении потерпевшего, и в отношении лица, совершившего преступление. В этой связи обратим внимание, что отечественная правовая система и общественное сознание в одинаковой степени считает человеком обоих (потерпевшего, и преступника), разделить их категорично – один из них человек, а второй – просто лицо, означает убрать из уголовного права гуманизм как таковой. Кроме того, маловероятно, что внедрение «термина» человек вместо термина «лицо» и, соответственно, вместо термина «личность в названии всего раздела, будет способствовать конкретизации признаков потерпевшего, поскольку наличие у последнего «человеческого лица» не ставится под сомнение. При этом важно обратить внимание на следующий аспект – для преступлений против личности, расположенных в седьмом разделе УК РФ, характерной является та особенность, что потерпевшими по соответствующим уголовным делам могут быть признаны только граждане – физические лица. Этот признак вполне можно использовать в качестве существенного для целей проводимого анализа.

Существует и противоположная точка зрения. Е.А. Марахтанова в качестве компромиссного решения предлагает допустимым использование

обоих терминов в уголовном законе в качестве равнозначных [30, с. 14]. Сторонником этой идеи также можно назвать и А.Г. Бережова, который считает, что сравниваемые термины «отличаются друг от друга лишь как научные абстракции, и проводимая между ними грань условна, поскольку характеризует с разных сторон единый (расщепляемый лишь с целью более глубокого его изучения) объект - человеческую личность, человека» [9]. В целом, обозначенная позиция также заслуживает на существование. При этом необходимо понимать, что для среднестатистического участника общественной жизни, различие рассматриваемых понятий действительно, не будет иметь принципиального значения. Однако, для целей уголовного права и законодательства, в котором разделение преступлений на группы и виды осуществляется по объекту преступного посягательства, разграничение данных понятий имеет исключительную важность, поскольку, как уже указывалось, практически каждое из преступлений содержащееся в особенной части УК прямо или косвенно причиняет вред человеку (его жизни и здоровью, личному имуществу, чести и достоинству и т.п.).

Л.Л. Кругликов и А.Л. Санташов, в совместной научной публикации цитируют позицию, согласно которой «использование категории «личность» в качестве родового объекта в уголовном праве ограничивает права на охрану лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, от преступных посягательств, так как у указанных категорий лиц замечены поражения сознания и (или) воли» [9]. Сами же учёные критикуют такой подход, поскольку он заключается в ошибочном переносе «философских и социологических трактовок данных терминов на правовую почву без их критического анализа и осмысления» [9].

Действительно, позиция, которая «лишает» личности тех людей, который обладают дефектами психики, с правовой точки зрения не выдерживает критики. Во-первых, такая позиция, которая, может быть, и имеет под собой медицинские основания, не может быть использована для целей правовых, поскольку она нарушает основополагающий

конституционный принцип равенства всех перед законом вне зависимости от любых критериев. Каждый человек вправе рассчитывать на одинаковую защиту государства от преступных посягательств. В подтверждение этого также можно указать на позицию Т.Ф. Раджабова, по мнению которой «отсутствие у возможных участников правового общения таких качеств не дает никаких оснований отрицать за ними личностные (в правовом смысле слова) свойства в связи с тем, что они ни при каких обстоятельствах не утрачивают своей правосубъектности» [9].

Е.А. Тюгашева, рассматривает личность в качестве основополагающей категории права в целом (не только права уголовного). В связи с этим, необходимо «обратить внимание на то, что с точки зрения философии права, личность не конкретизируется исключительно в качестве человека, существует понимание личности как субстанции, разумной природы и т.п. Таким образом, термин «человек» считается категорией биологической, в отличие от понятия «личность», содержанию которого присущ правовой характер» [55, с. 201]. Действительно, такой подход позволяет рассматривать личность как субстанцию, симбиоз физического и духовного (психического, психологического) в едином целом, где каждый из элементов взаимосвязан между собой.

И. Ачилов характеризует преступления против личности как «общественно опасные деяния, посягающие на жизнь и здоровье, права и свободы, а также иные блага и интересы человека. В результате совершения такого рода преступлений причиняется вред либо создается угроза причинения такого вреда жизни, здоровью, законным правам и свободам человека» [4, с. 142]. В данном варианте определения автор выходит за пределы простого перечисления родовых (видовых) объектов преступных посягательств, содержащихся в главе 16 УК РФ и уже осуществляет попытку их объединения по признаку носителя соответствующих прав и свобод – человек, «интересы и блага человека». При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что говорить о нарушении прав и свобод человека, его благ

и интересов возможно применительно практически к каждому уголовному преступлению. Косвенно это подтверждается возможностью участия в любом деле потерпевшего, которым признаётся любой человек или организация, которой преступлением причинён вред. Возможность посягательства на «иные блага и интересы человека», т. е., по сути, на любые, существует в каждом преступлении. В связи с этим, указание на человека как на объект посягательства, требует большей и более точной конкретизации.

Таким образом, указанные принципы по своим содержательным качествам имеют фундаментальный характер, выражают коренные интересы народов, признаны в качестве обязательных практически всеми государствами. Более того, основные принципы международного права являются его императивными нормами, т. е. такими нормами общего международного права, которые принимаются и признаются международным сообществом государств в целом как нормы, отклонение от которых недопустимо [52, с. 31-34].

Ещё один вариант определения рассматриваемого понятия предлагает Ф.Б. Мулюко, который определяет преступления против личности как «виновно совершённые умышленные или по неосторожности общественно опасные деяния, исполняемые как с применением насилия или угрозой его применения, так и без таковых, запрещённые под угрозой наказания Уголовным кодексом РФ в его разделе VI, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие охрану прав, свобод и законных интересов личности, в первую очередь жизни и здоровья человека, а также свободы, чести и достоинства половой неприкосновенности и половой свободы личности, конституционных (естественных и неотчуждаемых) прав и свобод человека и гражданина, интересов семьи и несовершеннолетних» [34, с. 3].

Предлагаемое таким образом определение также выглядит неудачным. Во-первых, все без исключения преступления совершаются виновно, без вины, как известно, нет уголовной ответственности, а значит - и нет самого преступления. Далее обращает внимание, что Ф.Б. Мулюков указывает на

такие «существенные», по его мнению, признаки преступлений против личности, как то, что последние могут быть совершены с любой из форм вины, т.е. как умышленно, так и неосторожно, а также, как с применением насилия (угрозы его применения), так и без такового вообще. То есть, по сути, предлагается в содержание определения положить те признаки, которые, по своему существу, не являются признаками, поскольку не определяют ни частные, ни общие (групповые) особенности преступлений против личности. Вторая часть определения обращает нас к поименному перечислению видовых объектов уголовно-правовой охраны в 16-й главе УК РФ.

Представляется, что наиболее рациональным подходом в рассматриваемой ситуации будет являться отнесение личности как объекта преступного посягательства, к его социальной роли, роли участника общественных отношений. При этом личность человека неразрывно связана и с его биологической сущностью, данные явления не формируются автономно и независимо друг от друга, что позволяет относить к личности и отдельные блага, связанные с биологической сущностью человека (жизнь и здоровье). Иными словами, для целей уголовного права, разделение человека на человека-личность и человека-биологическое существо не принципиально. Данные две сущности человека могут существовать совместно и быть объединены в один охраняемый уголовным правом объект.

В связи с этим, представляется необходимым определить преступления против личности, как запрещённые под страхом наступления уголовной ответственности деяния, которые направлены на личность человека в целом и на отдельные её проявления, связанные с физическими (жизнь и здоровье, половая неприкосновенность), психологическими и социальными (свобода передвижения, конституционные права и свободы и т.п.) проявлениями личности. В свою очередь, объектом преступлений против личности необходимо признать общественные отношения, связанные с реализацией правосубъектности личности в определённых сферах общественных отношений, связанных с реализацией права на жизнь и здоровье, личную

свободу и неприкосновенность, честь и достоинство, половую свободу и неприкосновенность, прав и законных интересов как члена семьи и несовершеннолетнего гражданина, политических, трудовых и других конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Далее обратим внимание на объективную сторону преступлений против личности. Анализ составов преступлений, содержащихся в седьмом разделе УК РФ позволяет сделать вывод об отсутствии типичного способа совершения преступлений, либо других элементов объективной стороны (время, место, способ и обстоятельства, обстановка совершённого преступления).

Так, например, абсолютное большинство составов преступлений, содержащихся в 16-й главе, имеют материальные составы преступлений. Это означает, что «они являются оконченными с момента наступления общественно-опасных последствий. В связи с этим, обязательными элементами объективной стороны таких преступлений выступают как деяние в виде действия или бездействия, общественно-опасные последствия и причинно-следственная связь между ними» [34, с. 16].

Простое умышленное убийство, квалифицированные умышленные убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ) ряд других привилегированных составов умышленных убийств (статьи 106-108 УК РФ) могут быть совершены как способом действия, так и способом бездействия. При этом, как показывает правоприменительная практика, большинство умышленных убийств совершается способом совершения активного целенаправленного действия, направленного на непосредственное воздействие на физическое тело человека. Опосредованное воздействие может иметь место в случае, например, применения ядов, взрывчаток, толчка потерпевшего в целях его падения с большой высоты и т.п. Бездействие как способ совершения умышленного убийства может иметь место, например, в случае с оставлением новорождённого в любом месте, сознательно не давая ему пищу.

Таким образом, «объективная сторона преступлений против жизни предполагает наступление общественно опасных последствий в виде смерти

потерпевшего, а также не посредственной причинно-следственной связи между действиями или бездействием виновного и наступлением смерти потерпевшего» [30, с. 76]. Если же по каким-либо причинам, смерть потерпевшего не наступила, то такие действия должны квалифицироваться как покушение на совершение убийства соответствующего вида.

Что касается факультативных признаков объективной стороны, то в большинстве случаев, последние не имеют значение для квалификации. Исключения составляют отдельные случаи квалифицированных убийств, например, применение общепасного способа совершения убийства или убийства с особой жестокостью (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Такой факультативный признак объективной стороны как время совершения преступления имеет значения при наступлении ответственности по ст. 106 УК РФ за убийство матерью новорождённого ребёнка. Такие действия могут быть совершены только в непосредственной временной связи с родами и быть обусловлены самим родовым процессом и его влиянием на психику родившей женщины [3, с. 16-17]. Если же такие действия совершены по истечении значительного промежутка времени, то содеянное необходимо квалифицировать как умышленное убийство малолетнего по ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Что касается группы преступлений, направленных против свободы, чести и достоинства личности, то объективная сторона в них в большинстве случаев также выражается в совершении активных действий. Большая часть составов преступлений в главе 18 УК РФ имеют формальный характер, а значит преступление является оконченным с момента совершения деяния, составляющего его объективную сторону в независимости от наступления или не наступления общественно-опасных последствий. Что, однако, не относится к квалифицирующим признакам таких составов, как лишение свободы или похищение человека. В частности, это такие последствия, как наступление смерти по неосторожности или других тяжких последствий (такие последствия предусмотрены в качестве квалифицирующих в п. «в» ч. 3 ст. 126; ч. 3 ст. 127; ч. 2 ст. 128 УК РФ).

Группа преступлений, направленных против половой свободы и неприкосновенности человека, может заключаться только в совершении активных целенаправленных действиях. Основные составы преступлений также носят формальный характер, за исключением квалифицированных составов, предполагающих наступление смерти или иных тяжких последствий от совершенных действий, заражение венерическими заболеваниями и т.п. В таком случае должна иметь место причинно-следственная связь между насильственными действиями сексуального характера и наступившими последствиями, которые не обязательно должны охватываться умыслом потерпевшего [13, с. 74].

Характерной чертой группы преступлений, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина является наличие специального способа совершения преступлений. В качестве примера можно указать на ч. 2 ст. 139 УК РФ, предусматривающую ответственности за незаконное проникновение в жилище, которое совершается против воли проживающего в нём лица, сопряжённое с применением насилия или угрозой его применения. В ч. 3 ст. 142 УК РФ указывается на такой способ совершения преступления, как незаконное изготовление, хранение, перевозка избирательных бюллетеней или бюллетеней для голосования на референдуме. Кроме того, специальный способ совершения преступлений предусмотрен в ч. 2 ст. 138 УК РФ – тайна переписки, телефонных переговоров и прочих сообщений, которое совершается с использованием специальных технических средств для негласного получения информации [3, с. 47].

Что касается преступлений, посягающих на семью и несовершеннолетних, то для последних может быть характерен формальный состав совершаемого преступления. При этом объективная сторона также может выступать как в форме действия, так и в форме бездействия. Характерными примерами преступного бездействия выступает уклонение родителей или других обязанных лиц от воспитания несовершеннолетнего или

уклонение от выплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей, либо родителей (при возникновении такой обязанности).

2.2 Субъект и субъективная сторона преступлений против личности

Анализ положений седьмого раздела УК РФ позволяет сделать вывод о наличии различий в субъективных признаках указанных преступлений. Анализ субъективных признаков преступлений будет проведён по их группам в соответствии с главами 16–20 УК РФ.

Субъектом преступлений против жизни и здоровья человека, в зависимости от особенностей состава, могут быть как те, кто соответствует общим критериям (общие субъекты преступлений), так и специальным (специальные субъекты преступлений). Кроме того, за совершение отдельных особо тяжких составов преступлений, нижний «порог» уголовной ответственности в соответствии со ст. 20 УК РФ понижен до 14 лет. В первую очередь, это ответственность за совершение простого и квалифицированных составов умышленного убийства – по ст. 105 УК РФ. В случаях с привилегированными составами умышленного убийства (ст. 106-108 УК РФ) ответственность наступает с 16 лет.

В случае с ответственностью за убийство матерью своего новорождённого ребёнка по ст. 106 УК РФ, субъектом может быть только специальный субъект – женщина, являющаяся матерью лишённого ею жизни новорождённого ребёнка. Вполне допустимо утверждение о том, что специальный субъект предусмотрен и в случае убийства по мотивам кровной мести (ответственность предусмотрена в п. 1 ч. 2 ст. 105 УК РФ). В таком случае субъектом может быть лицо, для которого обычай или традиция кровной мести является правилом в силу принадлежности к определённой социальной культурной, религиозной общности. Кроме того, специальный субъект предусмотрен и для ч. 2 ст. 109 УК РФ. В данной норме установлена ответственность за причинение смерти по неосторожности вследствие

ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. В таком случае, например, ответственность могут нести врачи, то есть лица, выполняющие определённые профессиональные обязанности [3, с. 8].

Субъективная сторона преступлений против жизни и здоровья в зависимости от конкретного состава может выражаться как в умышленной форме вины, так и в неосторожной. При этом, в большинстве составов преступлений, находящихся в 16-й главе речь, идёт об умышленной форме вины. Например, отмечается, что «убийство является умышленным преступлением, что предполагает возможность его совершения с любым видом умысла по отношению к смерти потерпевшего» [28, с. 45].

Что касается неосторожной формы вины, то последняя, например, предусмотрена в случае ответственности за причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), незаконное производство аборта, повлекшее смерть (ч. 2 ст. 123 УК РФ), неоказание помощи больному (ч. 2 ст. 124 УК РФ). Кроме того, имеют место и составы преступлений с двойной формой вины, например, ч. 4 ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Анализ неосторожных составов преступлений, направленных против жизни и здоровья человека, показывает, что уголовно-наказуемыми являются только те деяния, которые в качестве своих последствий влекут наступление смерти, либо причинения тяжкого вреда здоровью человека, возможно, иные тяжкие последствия.

Отдельно необходимо обратить внимание на убийство в состоянии аффекта, который характеризует субъективное восприятие виновным лицом совершаемого им деяния и его последствий. Как отмечается в комментарии под редакцией В.М. Лебедева, аффект представляет собой «внезапно возникшее душевное волнение, представляющее собой исключительно сильное, быстро возникающее и бурно протекающее кратковременное эмоциональное состояние, которое может быть охарактеризовано как взрыв эмоций в ответ на противоправное или аморальное поведение (действие,

бездействием) потерпевшего. Данному состоянию свойственна дезорганизация интеллектуальной и волевой сфер психики виновного в форме сужения сознания, не исключающая вменяемости, но в то же время затрудняющая адекватное восприятие действительности и выбор лучшего в сложившейся ситуации варианта поведения» [28, с. 53].

Иными словами, «сужение» сознание и ограниченность в восприятии значения ситуации и последствий своих действий не отменяет того, что виновное лицо осознаёт противоправность своих действий, их последствий (возможные) и желает, либо сознательно допускает их наступления. Таким образом, убийство, совершённое в состоянии аффекта, также совершается с умышленной формой вины, которая в большинстве случаев заключается в наличии прямого неопределённого умысла.

Далее обратимся к анализу субъективных признаков преступления, направленных против свободы, чести и достоинства личности (глава 17 УК РФ).

Отмечается, что в абсолютном большинстве случаев, субъектом данных преступлений выступает общий субъект. Пониженная возрастная планка привлечения к уголовной ответственности до 14 лет имеется в ст. 126 УК РФ (похищение человека), в остальных случаях – низший возрастной предел привлечения к уголовной ответственности определён в 16 лет. Как исключение, специальный субъект предусмотрен в ст. 128 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконное помещение в психиатрический стационар, по которой может быть привлечено лицо, наделённое правом на принятие соответствующего решения [3, с. 29].

Также, отмечается, что все составы преступлений, размещённых в соответствующей главе, совершаются умышленно, за исключением нескольких случаев, квалифицированных составов, заключающихся в неосторожной форме вины по отношению к последствиям в виде наступления смерти потерпевшего. В отдельных случаях, обязательным признаком

субъективной стороны могут выступать корыстные мотивы (например, при похищении человека по ч. 2 ст. 126 УК РФ).

В.М. Лебедев в комментарии к Особенной части УК РФ обращает внимание на то, что в случае с лишением свободы и посещением человека умысел должен быть направлен предметно именно на достижение соответствующих целей: похитить человека, либо лишить его свободы. В связи с этим, в ситуациях, когда лишение свободы человека обусловлено необходимостью совершения в отношении него преступления (например, связывание, запираение в помещении при разбойном нападении), то такие действия не образуют незаконного лишения свободы. Однако в случае, если после такого разбойного нападения, человека лишают свободы, запирая в помещении, связывая, то направленность умысла в таком случае уже конкретизирована применительно к лишению его свободы, а мотивы и цели связаны с лишением потерпевших возможности своевременно обратиться в правоохранительные органы и т.п. [28, с. 59].

Далее рассмотрим субъективные признаки расположенных в 18-й главе УК РФ преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности.

Как и в рассмотренных выше главах, субъектом таких преступлений могут выступать, как общие, так и специальные субъекты. По общему правилу ответственность за данный вид преступлений наступает с 16 лет, за исключением предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ, для которых нижний возрастной порог привлечения к ответственности составляет 14 лет. Специальный субъект преступлений предусмотрен по ст. 131 УК РФ, по которому им может быть только лицо мужского пола. Также специальный субъект преступлений предусмотрен для понуждения к совершению действий сексуального характера ответственность за совершение, которого предусмотрена ст. 133 УК РФ – лицо, по отношению к которому потерпевшая находится в отношениях материальной или иной зависимости. Кроме того, по ст. 134 УК РФ, предусматривающей ответственность за половое сношение или

иные действия сексуального характера, субъектом преступления может быть только лицо, которое достигло возраста 18-ти лет.

Что касается субъективной стороны, то применительно к рассматриваемым преступлениям, последняя заключается в умышленной форме вины. Составы преступлений являются формальными, то есть преступления считаются оконченными с момента начала выполнения действий составляющих их объективную сторону. Однако это не отменяет того обстоятельства, что умысел виновного должен быть направлен на достижение конечной цели – посягательство на половую свободу и неприкосновенность потерпевшего [3, с. 47]. Умышленную форму вины по отношению ко всем «простым» составам данных преступлений и по отношению к большинству квалифицированных составов подчёркивает и Пленум ВС РФ в своём постановлении от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [42]. При этом, в отношении отдельных последствий, например, связанных с заражением потерпевшего ВИЧ-инфекцией, допускается и неосторожность (п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16) [45].

Далее обратим внимание на группу преступлений, направленных против конституционных прав и свобод граждан (глава 19 УК РФ). Анализ положений данной главы показывает, что для всех без исключения составов преступлений низший предел наступления уголовной ответственности – 16-летний возраст. Кроме того, отличительной особенностью рассматриваемой группы преступлений является сравнительно большое количество составов преступлений, в которых предусмотрен специальный субъект преступлений [3, с. 56].

Так, выделяют следующие «виды» специальных субъектов преступлений расположенных в 19-й главе: «должностные лица (ст. 140, 149), руководители организаций, работодатели (ст. 145.1), члены избирательной комиссии, комиссии референдума, уполномоченные представители

избирательного объединения, избирательного блока, группы избирателей, инициативной группы по проведению референдума иной группы участников референдума, а также кандидаты или уполномоченные или представители (ст. 1411, 142), лица, на которых лежит обязанность по соблюдению правил техники безопасности или иных правил охраны труда (ст. 143). Случаи совершения деяния лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 136, ч. 2 ст. 137, ч. 2 ст. 138 и др.)» [56, с. 120].

Как представляется, обозначенное обстоятельство, а именно, наличие специального субъекта у большинства составов преступлений, расположенных в 19-й главе УК РФ, обусловлено тем, что реализация большинства конституционных прав и свобод граждан зависит от тех или иных должностных лиц, которые выполняют государственные функции. Это, собственно, представители органов государственной власти федерального местного уровня, должностные лица органов местного самоуправления и других образований, которым делегированы отдельные государственные или муниципальные функции.

Что касается субъективной стороны данной группы преступлений, то неосторожная форма вины имеет место только в случае с ответственностью за нарушение правил охраны труда по ст. 143 УК РФ. Во всех остальных случаях может иметь место только умышленная форма вины, как правило, по всем составам допускается как прямой, так и косвенный умысел.

При этом, в науке есть позиция, которая разделяет преступления против конституционных прав и свобод на те, которые могут быть совершены исключительно с прямым умыслом и те, в которых допускается наличие косвенного умысла. Соответственно, к первой группе (только с прямым умыслом) относятся преступления, предусмотренные статьями 136, 137, 138 и другие подобные, ко второй – предусмотренные статьями 140, 146, 147 УК РФ [56, с. 120]. Отметим, что принятое сравнительно недавно Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод

человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [41] не разделяет в обозначенных составах преступлений прямой или косвенный умысел, а указывает на наличие умышленной формы вины в целом.

Что касается мотива совершения преступного деяния, то последний обязателен лишь для преступления, предусмотренного статьями 144.1 и 145 УК РФ, который заключается в незаконном отказе в приёме на работу лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста, либо женщины в связи с её беременностью или наличием у неё детей в возрасте до трёх лет.

Далее, обратим внимание на группу преступлений, направленных против семьи и несовершеннолетних, которые расположены в главе 20 УК РФ.

Как показывает проведённый анализ, субъект преступлений рассматриваемой группы имеет свои особенности. Это связано с тем, что потерпевшей стороной, как правило, по данному вопросу выступает именно несовершеннолетний, что, в свою очередь, обуславливает особые требования к субъекту преступления, которые должен быть совершеннолетним, либо обладать особым правовым статусом по отношению к несовершеннолетнему потерпевшему. Кроме того, в случае совершения преступления, направленного против интересов семьи, субъект преступления обычно также принимает участие в семейных отношениях. Как отмечается в литературе, субъекты преступлений, предусмотренных статьями 150, 151 УК РФ могут быть только совершеннолетние.

Кроме того, в составе преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ, предусматривающей ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, субъектом преступлений может быть только лицо, на которое в силу закона возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (как правило, это родители, опекуны, попечители, работники специальных учреждений и прочие) [3, с. 57].

В других случаях – субъект преступлений против семьи и несовершеннолетних – общий – это лицо, достигшее 16-летнего возраста [56, с. 171].

Субъективная сторона всех преступлений характеризуется умыслом, а в ряде составов указан мотив (например, в ст. 153, 154, 155 УК РФ). Также, в некоторых случаях конструктивным признаком основного состава выступают корыстные или иные низменные побуждения (ст. 153, 155) [56, с. 171].

В соответствии с п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», «к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий могут быть привлечены лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста и совершившие преступление умышленно. Судам необходимо устанавливать, осознавал ли взрослый, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий. Если взрослый не осознавал этого, то он не может привлекаться к ответственности по статьям 150 и 151 УК РФ» [44].

Отметим, что анализ такого признака субъективной стороны преступлений против личности, как мотив совершения преступления, показывает, что в одних случаях он облегчает ответственность (например, при превышении пределов необходимой обороны, либо в случае совершения умышленного убийства, в состоянии аффекта, обусловленного противоправным поведением потерпевшего), в других случаях, мотив, наоборот, отягчает ответственность (квалифицирующие составы умышленного убийства и т.п.). Последних случаев значительно больше. Кроме того, необходимо выделить «нейтральные ситуации», когда мотив не влияет на квалификацию содеянного [29, с. 8]. При этом, в силу положений ст. 60 и 61 УК РФ, мотив может влиять на размер наказания в качестве

обстоятельства, отягчающего либо смягчающего наказание. В любом случае, учитывая принцип максимальной индивидуализации наказания за совершённое преступление, полагаем, что мотив преступления подлежит обязательному установлению по каждому совершённому преступлению против личности и должен быть учтён при назначении наказания.

Можно подвести выводы по второй главе.

Сделан вывод о том, что преступления против личности – это запрещённые под страхом наступления уголовной ответственности деяния, которые направлены на личность человека в целом и на отдельные её проявления, связанные с физическими (жизнь и здоровье, половая неприкосновенность), психологическими и социальными (свобода передвижения, конституционные права и свободы и т.п.) проявлениями личности. В свою очередь, объектом преступлений против личности необходимо признать общественные отношения, связанные с реализацией правосубъектности личности в определённых сферах общественных отношений, связанных с реализацией права на жизнь и здоровье, личную свободу и неприкосновенность, честь и достоинство, половую свободу и неприкосновенность, прав и законных интересов как члена семьи и несовершеннолетнего гражданина, политических, трудовых и других конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Субъективные признаки составов преступлений против личности в значительной степени разнообразны, что затрудняет выявление общих признаков и тенденций в данной сфере. Так, установлено, субъектами преступлений против личности, в зависимости от конкретного состава, могут быть как лица соответствующие критериям общего субъекта, так и специального субъекта (в отдельных случаях, это беременное лицо женского пола (либо родившее ребёнка), лицо мужского пола, лицо в материальной или иной зависимости от которого пребывает потерпевшая, должностное лицо наделённое компетенцией в сфере реализации прав и свобод граждан, совершеннолетнее лицо, лица наделённые обязанностями по воспитанию

несовершеннолетних и т.п.). В отдельных случаях в отношении тяжких или особо тяжких преступлений законодателем понижен возрастной порог наступления уголовной ответственности до 14-летнего возраста.

Что касается признаков субъективной стороны, то, в большинстве имеет место умышленная форма вины, в более редких случаях – неосторожность. Неосторожность характерна для случайного непредвиденного лишения жизни, причинения тяжкого вреда здоровью, для нарушения норм и правил охраны труда и т.п. Кроме того, неосторожная форма вины встречается в преступлениях с двойным умыслом, согласно которого изначально причинение вреда или нарушение норм и правил осуществляется умышленно, а предусмотренные квалифицированные составы преступлений, предусматривают наступление определённых тяжких последствий (как правило, это смерть человека, причинение ему тяжкого вреда, иные тяжкие последствия, в т.ч. заражение ВИЧ-инфекцией и т.п.).

Глава 3 Проблемы квалификации преступлений против личности

3.1 Проблемы разграничения преступлений против личности со смежными составами

Если обратиться к группе преступлений против жизни и здоровья, то необходимо отметить большое количество проблем для квалификации, рассмотреть которые в полной мере в рамках настоящего параграфа не представляется возможным.

Далее обратим внимание на проблемы квалификации угрозы лишения жизни и причинения тяжкого вреда здоровью. Судебная практика показывает, что «угрозы нередко предшествуют преступлениям против здоровья и жизни, даже в тех случаях, когда потерпевшие обращаются в правоохранительные органы, но сотрудники последних отказывают в принятии мер под предлогом отсутствия реальной общественной опасности, что впоследствии оказывается ошибочным. Закон требует, чтобы со стороны потерпевшего в результате таких действий создавалось опасение за свою жизнь или здоровье. Констатация этого – вопрос факта, подлежащего оценке судом. При этом важно объективное установление реальности угрозы. Это основной составообразующий критерий криминальности этого деяния и одновременно оценочная категория, позволяющая многим виновным избежать уголовной ответственности» [16, с. 95].

Анализ уголовных дел по ст. 119 УК РФ показал, что в большинстве своем до судебного разбирательства доходят не словесные угрозы, а физическое воздействие, сопровождающее угрозы, фактически подлежащее квалификации в качестве побоев. Подобный выбор суда связан с тем, что законодатель, судя по санкции, оценивает угрозу как более тяжкое преступление, чем побои. В такой интерпретации словесная угроза не рассматривается как общественно опасное деяние и не пресекается, что

позволяет виновному впоследствии осуществить свое намерение в отношении подавленного и запуганного потерпевшего.

«Практика частичной декриминализации побоев (введение в действие ст. 116¹ УК РФ) показала, что правоохранительные органы в двадцать раз чаще стали реагировать на факты побоев административным наказанием. Это позволяет предположить, что аналогичный подход к угрозе причинения тяжкого вреда здоровью мог бы восполнить образовавшийся фактический пробел и послужить реальной превенцией преступлений против жизни и здоровья. Состав этого преступления в КоАП следовало бы сформулировать менее вариативно без ссылки на необходимость поиска оснований опасаться осуществления этой угрозы. Это исключит сомнения правоприменителя относительно серьезности угрозы. Пресечение подобных попыток запугивания и иного психического воздействия на потерпевшего без применения физической силы представляется вполне адекватным с помощью административного штрафа, обязательных работ или административного ареста, тем более что в этой ситуации не встанет вопрос о примирении с потерпевшим как одном из вариантов безнаказанности» [20, с. 33].

В качестве примера можно указать на определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.07.2021 г. № 82-УД21-7-К7 [36]. ВС РФ рассматривал кассационную жалобу на приговор мирового судьи от 18.06.2020 г., которым гражданин «Ш» был признан виновным по ч. 1 ст. 119 УК РФ. Защитник осуждённого утверждал об отсутствии в действиях «Ш» состава преступления, в частности: «описание объективной стороны деяния, признанного судом доказанным, заключается в нанесении побоев потерпевшему без квалифицирующих признаков, предусмотренных ст.ст. 116 и 116.1 УК РФ, и образует состав административного правонарушения» [36]. ВС РФ установил, что согласно имеющимся в деле доказательствам в результате произошедшего конфликта, был причинён как вред здоровью потерпевшего, так и осуждённого. Обстоятельства высказывания угроз со стороны осуждённого на которые указывалось в обвинительной

формулировке приговора суда, не находят своего подтверждения. Было принято решение направить дело на новое рассмотрение.

Диспозиция нормы об административно наказуемой угрозе может быть сформулирована как «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью без применения физического насилия, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния». Одновременно следовало бы более определенно сформулировать ст. 119 УК РФ, уточнив критерии реальности угрозы, то есть ее общественной опасности и криминальности, например, если угроза сопровождается демонстрацией оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также направлена на малолетнего или иное лицо, находящееся в беспомощном состоянии и т.п.

В группе преступлений против свободы, чести и достоинства личности, как и в других, содержится достаточно спорных вопросов квалификации смежных деяний и разграничения составов преступлений. Одним из наиболее значимых является разграничение преступлений, предусмотренных ст.ст. 126 и 127 УК РФ (похищение человека и незаконное лишение свободы человека), а также разграничение незаконного лишения свободы человека и преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ – захват заложников.

Для начала рассмотрим соотношение ст. 127 УК РФ и ст. 126 УК РФ. Отметим, что до недавнего времени, вопрос разграничение данной нормы был весьма актуальным в науке. В 2019 году вышло Постановление Пленума ВС РФ от 24.12.2019 г. № 58, который предметно посвящён обобщению судебной практики по незаконному лишению свободы, похищению человека и торговле людьми.

В указанном документе Пленум ВС РФ уделяет отдельное внимание разграничению рассматриваемых норм. Так, согласно п. 3 данного документа, «в отличие от похищения человека при незаконном лишении свободы, предусмотренном статьей 127 УК РФ, потерпевший остается в месте его нахождения, но ограничивается в передвижении без законных на то оснований (например, виновное лицо закрывает потерпевшего в доме, квартире или ином

помещении, где он находится, связывает его или иным образом лишает возможности покинуть какое-либо место)» [40].

Таким образом, высшая судебная инстанция разъяснила, что единственной отличительной чертой между незаконным лишением человека и похищением человека является объективная сторона, которая, в случае со ст. 127 УК РФ, заключается в удержании человека в том месте, в котором он находился в момент совершения преступления и в последующем не перемещается. В связи с этим, для квалификации действий на практике должна заключаться в установлении направленности умысла виновного лица. Ведь моментом окончания незаконного лишения свободы является момент, с которого началось незаконное лишение свободы человека, а похищение человека окончено с момента захвата и начала перемещения. Если преступник лишил свободу человека и в последующем намеревался переместить его в другое место, но каким-то причинам преступление не было продолжено, то содеянное, очевидно, необходимо квалифицировать как покушение на похищение человека, ведь именно на это и был направлен умысел. Точный ответ на это вышеуказанное постановление Пленума ВС РФ не даёт.

При этом, согласно п. 4 Постановления Пленума ВС РФ, в тех случаях, когда виновный изначально лишил человека свободы, а в последующем переместил последнего в другое место, то преступление «перерастает» в ст. 126 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст. 127 УК РФ. Таким образом, Пленум ВС РФ пришёл к выводу о том, что изначальная направленность умысла и действия преступника не должны учитываться при квалификации его действий. Также из содержания данного пункта можно сделать вывод даже о том, что наличие значительного временного промежутка между моментом лишения свободы, последующим удержанием в одном помещении и перемещением, не играет значительной роли для квалификации содеянного (например, лишил свободы и удерживал в жилом помещении, а через неделю перевёз в подвальное помещение в другой местности, при этом

умысел переместить жертву возник уже по прошествии определённого промежутка времени совершения преступления).

По своему смыслу, такая позиция выглядит спорной, однако она обусловлена недостатком законодательной конструкции состава ст. 127 УК РФ, который построен на «отсутствии признаков похищения человека». Именно это положение и обуславливает формулу квалификации. Такое положение хоть и является устоявшимся в следственно-судебной практике, но выглядит концептуально не правильным. Квалифицируя деяния преступников, которые заключаются и в лишении свобод, и в перемещении жертвы, необходимо учитывать временные промежутки, которые имели место между ними и направленность умысла.

Также обратим внимание на то, что у лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 126 УК РФ, имеется возможность избежать наступления уголовной ответственности, если последние прекратят совершение данного преступного деяния добровольно. При этом такая возможность у лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 127 УК РФ, отсутствует. Например, как указал ВС РФ в апелляционном определении: «на тот момент участники организованной группы, с учетом всех обстоятельств происшедшего, отсутствия внешних препятствий для продолжения их преступных действий, невыраженности позиции о достижении определенной цели похищения, имели реальную возможность как продолжить удержание похищенных лиц, так и совершить в отношении них другие действия: в том числе переместить их в другое место или устранить как свидетелей совершенного в отношении А. преступления. При таких обстоятельствах то, что участниками преступной группы похищенные «И.» и «Б.» были отпущены на свободу следует расценивать именно как добровольное их освобождение, соответствующее предписаниям примечания к ст. 126 УК РФ» [5].

Далее рассмотрим проблемы разграничения незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ) и захвата заложников (ст. 206 УК РФ). По вопросам особенностей квалификации преступлений террористической направленности

в настоящий момент существует постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [43].

Статьи 126 и 206 УК РФ в ряде случаев образуют конкуренцию норм, что обуславливает возникновение вопросов о правильной квалификации действий виновных. Нередко правоприменители, как свидетельствуют специальные исследования, отождествляют термины «похищенный» и «заложник» [6, с. 18-22].

Одним из основополагающих критериев разграничения рассматриваемых преступлений является объект преступного посягательства: при захвате заложника главной направленностью совершения посягательства является общественная безопасность (гл. 24 УК); при похищении – это физическая свобода человека (гл. 17 УК).

В качестве примера объективной стороны захвата заложников, укажем на кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2011 г. № 48-О11-94, согласно которого, осуждённые «стремясь вырваться из окружения сотрудников милиции, которые блокировали их в помещениях офиса, пытались выломать решетки на окнах, проломить стену на кухне и пол в туалете, а затем, применив неправомерное физическое ограничение свободы потерпевших Ф., Т. и ее дочери Е. ... года рождения, захватили их в заложники. Предпринимая попытки скрыться, осужденные, прикрываясь телами потерпевших, удерживали их силой под угрозой применения оружия, выдвигая требования сотрудникам милиции сложить оружие, угрожали в противном случае убийством заложников. При этом осужденные удерживали связанных потерпевших с заклеенными скотчем ртами перед собой, используя их в качестве «живого щита»» [26].

«Рассматривая различия между похищением человека и захватом заложников, необходимо остановиться и на дополнительном объекте вышеназванных составов. Дополнительным объектом при захвате заложника

выступает физическая свобода лица, которая в похищении человека является непосредственным объектом. При захвате заложника целью действия виновных лиц является не захват заложника сам по себе, а выполнение определенных действий со стороны государства, организации или гражданина» [13, с. 117].

Анализ рассматриваемых смежных составов, позволяет сделать выводы, что от захвата заложника похищение человека отличается рядом признаков: при похищении умысел виновного направлен на совершение преступления в отношении конкретного потерпевшего; при похищении виновный, как правило, не предаст свои действия огласке; похищение не всегда связано с предъявлением каких-либо требований в качестве условия освобождения потерпевшего [12, с. 2].

Принципиальное различие похищения человека от захвата заложников также заключается в особенности их субъективной стороны, а точнее, их целей. Цель похищения – может быть любой: понуждение потерпевшего к выполнению каких-либо обязательств перед виновным, месть и пр. При захвате заложника виновный осознает, что осуществляет данное преступление для понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие (или воздержаться от него).

«Различен интеллектуальный признак субъективной стороны захвата заложника и похищения человека. При захвате заложника сознанием виновного охватывается определенная совокупность противоправных действий, направленных на причинение вреда общественным отношениям, регламентирующим безопасные условия жизни общества, а именно: нарушение нормальной деятельности организаций и т.д. В свою очередь, при похищении человека интеллектуальный момент прямого умысла характеризуется осознанием виновным того, что, совершая преступление, он лишает другого человека свободы» [21, с. 14-19].

Вышеуказанные особенности объективной стороны ст. 206 УК РФ, обуславливают и особенности объекта преступного посягательства.

М.Ю. Павлик в своей публикации указывает на следующие три основные группы объектов посягательства:

- «непосредственная жертва преступления, которой выступает то лицо или группа лиц, которые были взяты в заложники;
- косвенная жертва преступления - лицо в адрес которых выдвигается требование;
- любые иные организации, интересы которых могут быть нарушены» [37, с. 212-216].

Представляется, что подобное деление объектов преступного посягательства для ст. 127 УК РФ не применимо. Кроме того, среди квалифицирующих признаков данной нормы отсутствует совершение деяния из корыстных побуждений. Однако, утверждать, что незаконное лишение свободы не может быть совершено из корыстных побуждений, в корне неверно. Ведь требование имущественного характера может быть высказано непосредственно, в адрес лица свобода которого ограничена.

Тот же М.Ю. Павлик полагает, что «при лишении свободы человека виновные стремятся избежать огласки; информирование заинтересованных лиц (например, супруга или родственника похищенного) осуществляется лишь в силу необходимости (при желании, например, получить выкуп). При захвате заложника, наоборот, виновные стремятся к обнаружению своего умысла как в отношении захвата или удержания заложника, так и в отношении характера предъявляемых требований. Нередко, чтобы усилить эффект и иметь более мощный и действенный рычаг давления на адресатов требования, этим требованиям придается намеренно широкий демонстративный резонанс, в т.ч. и путем маскировки под какие-либо политические формы и высказывания» [37, с. 212-216]. Дополнительно отметим, что в случае захвата заложников, чаще всего преступники стремятся именно к публичной огласке, чтобы повысить риск публичного осуждения действий государства и правоохранительных органов, связанных с жертвами возможного силового решения вопроса.

В.И. Морозов и С.В. Дубченко также отмечают, что для захвата заложников характерно публичность и требований, что не характерно для незаконного лишения свободы и похищения человека. В последних дух вариантах, преступники нередко в качестве условия невредимости захваченного лица, требуют не сообщать о факте похищения правоохранительные органы или кому-либо другому [35, с. 57-60].

Однако, необходимо отметить, что из содержания диспозиции ст. 206 УК РФ невозможно точно определить, что при захвате заложников требование преступников обязательно должны быть афишированы (публичны). Да, действительно в большинстве общеизвестных примеров захвата заложников, преступник выдвигает требование публично, но всегда ли это так? Ведь исходя из буквального понимания ст. 206 УК РФ если преступник захватит в заложники лицо и выдвинет требования его родственнику, то такие действия также подпадают под признаки данной нормы. Даже сопутствующее такому требованию условие о недопустимости сообщения правоохранительным органам или другим лицам о случившемся, не исключают квалификации таких действий по ст. 206 УК РФ.

Однако если сравнивать диспозиции статей 127 и 206 УК РФ, то при совпадении других признаков – выдвижение требования как имущественного, так и другого характера в адрес третьего лица (организации, государства, человек и т.п.), говорит о необходимости квалификации таких действий именно как захват заложников. Кроме того, в целях разграничения данных норм, необходимо учитывать направленность умысла виновных лиц, которая заключается в удовлетворении своего незаконного интереса в получении выгоды (имущественной или любой другой) от третьих лиц за счёт удержания и угрозы жизни в отношении похищенного потерпевшего, который используется как средство принуждения к удовлетворению таких требований. Корыстная цель незаконного лишения свободы может иметь место только в том случае, если требование имущественного характера адресовано непосредственно потерпевшему.

В группе преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, обратим внимание на проблему разграничения составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 131 и 132 УК РФ.

«Близость» рассматриваемых составов преступлений также является причиной возникновения множества спорных вопросов при квалификации деяний преступника, на что учёными обращается внимание уже давно. Так, например, ещё в 2003 году А.А. Ткаченко в работе, посвящённой аномальному сексуальному поведению, указывал, что существуют проблемы в понимании правовой квалификации нескольких деяний чередующихся между собой в различной последовательности по совокупности преступлений [53, с. 326]. Речь идёт о тех случаях, когда поочерёдно и неоднократно совершаются как элементы полового акта, так и других действий сексуального характера, не связанных с самим половым актом. До принятия в 2014 году действующего на данный момент Пленума ВС РФ от 14.12.2014 года № 16, действовало Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2004 года № 11 [53] по тем же вопросам (на данный момент, утратило силу), согласно которого, при разрешении вопроса необходимо исходить из направленности умысла преступника на совершение тождественных действий, а также учитывать критерий временного промежутка, в течении которого они совершались (не прерывались, прерывались на непродолжительное время). В текущей «версии» Постановления Пленума ВС РФ, позиция практически идентичная (п. 8 и 9 Пленума от 14.12.2014 года № 16) с учётом уточнения на то, что такие действия должны совершаться в отношении одной потерпевшей, в случае одновременного совершения действий сексуального характера и полового акта, должны образовывать совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 131 и 132 УК РФ.

Данное правило вызывает критику. Например, И.А. Казаков указывает на то, что состав обоих преступлений формальный, то есть оно считается полностью оконченным с момента начала совершения полового акта или других действий сексуального характера (здесь и далее в данное понятие будут

включены также лесбиянство и мужеложство) и данная позиция признаётся самим Пленумом ВС РФ, то почему временной перерыв, пусть даже и незначительный, является продолжаемым преступлением, а не их совокупностью? По мнению учёного, обозначенная позиция Пленума ВС РФ является противоречащей самой себе, а правильным сточки зрения уголовного закона и теории уголовного права будет квалификация таких тождественных действий как совокупности преступлений [20, с. 107-108]. Как представляется, обозначенная позиция в целом соответствует современному уровню теоретических представлений относительно формальных составов преступлений, их совокупности, однако не учитывает признаки субъективной стороны, которые в данном случае, представляются более значимыми и определяющими. Если преступник имеет умысел на нарушение права жертвы на половую свободу и неприкосновенность, имеет своей целью совершить, например половой акт и другие действия сексуального характера не связанные с ним, что в конечном итоге должно удовлетворить половую «страсть» преступника, то он не разделяет свои преступные действия во времени или по этапам, речь идёт о фактически едином процессе преступного нарушения половой свободы и неприкосновенности в рамках которого могут быть и временные перерывы и чередование различных действий. Итогом данного преступного процесса является удовлетворение половой страсти преступника, при этом применение насилия используется как средство понуждения жертвы, именно на это и направлен умысел, именно это и является целью.

Если применять предложенный И.А. Казаковым подход с учётом формальной характеристики объективной стороны, то возникают основания и для квалификации каждого конкретного действия виновного, совершаемого им в ходе традиционного полового акта как изнасилования (по моменту его начала, а любую временную паузу перед следующим сексуальным действием расценивать как окончание фактических действий), поскольку между ними может быть временной промежуток (например, 1 -2 секундная пауза). В таком случае не искушённый в теории уголовного права насильник за «один раз»

может совершить и 100-200 изнасилований. Данная ситуация, в случае её практического применения, будет выглядеть явным «перегибом».

Вместе с тем, обозначенная невозможность разграничения продолжаемой и «многоэпизодной» преступной деятельности, не означает, что позиция Пленума ВС РФ по этому вопросу является идеальной. Вопрос о разработке критериев остается актуальным и, как представляется, должен быть основан на соединении критериев субъективного и объективного признаков (понятное дело, при условии их совершения квалифицируемых действий в отношении одной жертвы).

В группе преступлений против семьи и несовершеннолетних спорные вопросы в процессе квалификации, может вызвать применение родителями или иными лицами, на попечении которых находятся несовершеннолетние, насилия в отношении последних. В таком случае возникает конкуренция составов, предусматривающих ответственность за причинение вреда здоровью человека и ст. 156 УК РФ которая предусматривает в качестве признака объективной стороны жестокое обращение с несовершеннолетним.

Проанализированные примеры из судебной практики показывают, что во многих случаях суды квалифицируют как жестокое обращение и случаи применения насилия. Например, «А» «признан виновным в том, что, являясь тренером-преподавателем детской спортивной хоккейной команды «данные изъяты», учебной группы среди мальчиков 2008-2009 года рождения, систематически совершал противоправные действия в отношении малолетнего Ш.И, 10 апреля 2008 года рождения, умышленно причиняя ему физическую боль и психические страдания, нарушая нормальное физиологическое и психически нравственное формирование личности потерпевшего, грубо и жестоко обращался с ним, систематически применяя недозволенные методы воздействия, несовместимые с осуществлением образовательной деятельности» [27].

Так, согласно приговору Октябрьского районного суда города Иваново от 17.03.2015 по делу №1-27/20015, «С.А. умышленно толкнула свою

несовершеннолетнюю дочь в спину, отчего она упала на бетонный пол и скатилась вниз по лестнице, при этом ударилась головой о металлические перила. После чего С.А. подошла к лежащей на бетонном полу (ФИО)7, подняла ее и нанесла один удар ногой в область правого бедра. В результате умышленных преступных действий С.А. несовершеннолетней (ФИО)7 причинены телесные повреждения: закрытая черепно-мозговая травма с сотрясением головного мозга, кровоподтеками и ссадинами лица, головы, которые повлекли за собой кратковременное расстройство здоровья, продолжительностью не свыше трех недель (не более 21 дня), и по этому признаку относятся к категории повреждений, причинивших легкий вред здоровью человека» [47].

Кроме того, в соответствии с приговором Пошехонского районного суда Ярославской области от 23.12.2010 по делу №10-14/2010, С.Э.Н. осуждена по ст. 156 УК РФ в связи с причинением малолетнему сыну физической боли и ссадин спины, не повлекшие за собой вреда здоровью [48].

Таким образом, необходимо констатировать, что понятие «жестокое обращения» как элемент объективной стороны преступления включает в себя применение насилия, в том числе причинение лёгкого вреда здоровью. Вопрос о квалификации среднего и тяжкого вреда здоровью остаётся открытым. В таком случае, как представляется, действия виновного необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

3.2 Предложения по совершенствованию законодательства в части ответственности за преступления против личности

В первую очередь, обратим внимание на проблему уголовной ответственности за вред здоровью, который был причинён в условиях проведения спортивных соревнований. В науке отечественного уголовного права уже давно существует проблема так называемого легитимированного причинения вреда. В частности, если это силовые единоборства и прочие

подобные контактные виды спорта, то в результате взаимодействия спортсменов, причиняется вред здоровью каждого из них. Например, периодически случаются смерти боксеров и участников прочих подобных единоборств. 27 апреля 2021 года умер 19-летний боксёр Джино Хэйес [84], 23 июля 2019 года в США умер российский боксёр Максим Дашаев [50].

Отметим, что среди учёных существуют различные подходы к уголовно-правовой оценке причинения вреда здоровью граждан в условиях проведения спортивных соревнований. В качестве одно из вариантов предлагалось оценивать последствия по фактически наступившим [33, с. 215]. Согласно другой позиции, деяния, в результате которых причинен вред здоровью или смерть в процессе спортивных состязаний, признаются совершенными невиновно [14, с. 25-26].

Субъект таких преступлений, как правило, человек, профессионально занимающийся спортом. Отдельные вопросы возникают в случаях, если в спортивном поединке участвуют лица, неподготовленные для этого профессионально, например, спортсмены-любители, либо лица, не занимающиеся спортом (например, «спортивные» поединки блогеров, других «известных» личностей, которые проводятся не в целях достижения спортивного результата, а в целях «пиара»).

Субъективная сторона подобных деяний бесспорно характеризуется умыслом на нанесение ударов по телу противника и совершение прочего физического воздействия на тело противника (его физическую неприкосновенность). В связи с этим, уместно говорить о наличии умышленной формы вины в отношении последствий в виде причинения телесного вреда противнику. В случае со смертью или с иными тяжкими последствиями, причинения вреда, что, очевидно, не является целью проведения соревнования (цель – победа в поединке по правилам спортивной организации), вполне допустимо говорить о неосторожности, которая всегда будет граничить с косвенным умыслом.

Кроме того, существует множество контактных видов спорта, в которых причинение физического вреда противнику прямо не предусмотрено, но неизбежно в процессе взаимодействия (например, регби, футбол и т.п.) При этом, такие действия, как правило, совершаются в рамках правил (спортивного регламента) определённого соревнования. В таком случае, в «небоевых» видах спорта, например, том же регби, если действия совершаются в рамках правил соревнований, но приводят к причинению вреда здоровью, отношение нарушителя к последствиям может быть в виде неосторожной формы вины.

В свою очередь, существенными признаками объективной стороны в таком случае будет выступать обстановка причинения вреда: участие в спортивном соревновании, конкретное место: ринг или прочее место, специально приспособленное для проведения поединка (встречи). Представляется, что, соглашаясь с участием в подобных соревнованиях, тем более на профессиональном уровне, человек самостоятельно распоряжается своим здоровьем. Понимает, что даже в рамках правил определённых соревнований и всех мер предосторожности, последствия для его здоровья могут быть весьма плачевные.

Выше уже было указано, что в отечественной науке довольно сильны позиции относительно ответственности человека, который, будучи наделён правом на безопасность своего здоровья, может принять самостоятельные решения, которые повышают риск причинения вреда его здоровью. Как представляется, спортивные соревнования относятся именно к таким ситуациям. В связи с этим, криминализация деяний, связанных с причинением вреда здоровью человека в обстановке проведения спортивных соревнований, при которых лицо, причиняющее вред, как правило, является профессиональным спортсменом, а умысел лица направлен на победу в спортивном соревновании, при соблюдении требований спортивного регламента (умышленном не нарушении таких требований), не целесообразна.

Однако данный вывод не касается нескольких сходных ситуаций. Во-первых, вред здоровью может быть причинён в результате умышленного

нарушения правил проведения соревнований, либо, вообще, с прямым умыслом именно на причинение вреда здоровью с мотивами, не связанными с победой в спортивном соревновании. В этом случае, представляется допустимым привлечение к уголовной ответственности в зависимости от умысла спортсмена. Если последний действовал умышленно и преследовал цель причинения вреда, то – по соответствующему составу уже существующих преступлений против здоровья в Особенной части УК РФ. Если же причинитель вреда не желал наступления последствий в виде вреда здоровью и рассчитывал, что они не наступят, однако умышленно нарушил правило проведения соревнования (например, удар по запрещённому месту, запрещённый удар либо действие, другое поведение, которое запрещено правилами, поскольку создаёт опасность, например, «прямая нога», либо выставленный локоть в футболе и т.п.), то может идти речь о совершении преступления с двойной формой вины. Такие деяния должны быть наказуемы, при условии наступления средней тяжести или тяжкого вреда для здоровья человека. В этой связи целесообразно введение отдельного квалифицированного состава преступления, изложенного в одной норме, либо в качестве квалифицированного признака преступлений, предусмотренных ст. 111 и ст. 112 УК РФ.

Во втором случае, необходимо отметить, что квалифицированные признаки данных составов являются «отягощающими» и влекут более строгое наказание. При этом условия проведения спортивных соревнований по контактному виду спорта таковы, что вероятность неосторожного причинения вреда весьма высока, это как бы «риск», которого должны стараться избегать спортсмены, но это в таком случае никто не «застрахован». По этой причине, умышленное нарушение правил проведения соревнований, повлекшее по неосторожности тяжкий или средней тяжести вред здоровью, либо смерть потерпевшего (охрана жизни в данном случае представляется необходимой и также актуальной) как состав преступления, должен быть изложен в отдельной норме главы 16 Особенной части УК РФ.

Во-вторых, вред здоровью может быть причинён в месте проведения спортивных соревнований, в период проведения спортивных соревнований, лицами, участвующими в спортивных соревнованиях, однако не в условиях проведения поединка, матча или прочего мероприятия. В этом случае действия причинителя вреда вполне сходны с «простым» составом причинения вреда здоровью в зависимости от последствий для здоровья потерпевшего, поскольку никак не связаны с проведением соревнований.

Анализ научных взглядов по обозначенной проблеме указывает на существование различных подходов. Так, Е.В. Безручко полагает необходимым криминализировать только причинённый по неосторожности тяжкий вред здоровью, если причинение такого вреда обусловлено умышленным нарушением специальных правил проведения спортивных соревнований по ст. 118 УК РФ [7, с. 249-250]. Кроме того, существует позиция о допустимости привлечения к уголовной ответственности в случае грубого неосторожного нарушения правил проведения спортивных соревнований, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью или смерть участника таких соревнований. П.А. Дубовец полагал необходимым рассматривать вопрос о привлечении к ответственности во всех случаях причинения вреда в процессе спортивных соревнований [15, с. 19].

В подведение промежуточного итога проведённого анализа, отметим следующее. Общим критерием для квалификаций действия лица как преступления, причиняющего вред здоровью, является, собственно факт причинения такого вреда, и, соответствующий объект посягательства – здоровье человека. В свою очередь, разграничение смежных преступных деяний, направленных на причинение вреда здоровью человека, зависит от точного установления нескольких взаимосвязанных признаков объективной и субъективной стороны. Это размер причинённого вреда здоровью (его характер) и внутреннее психическое отношение лица к совершённом деянию, выражающееся в умышленной или неосторожной форме вины. Подлежат

установлению и анализу на предмет соответствия квалифицирующим признакам мотивы и цель причинения вреда.

В результате проведённого анализа проблемы квалификации действий, направленных на причинение вреда в условиях проведения спортивных соревнований, сделан вывод о том, что текущий уровень охраны жизни и здоровья участников спортивных соревнований от наиболее тяжких посягательств, требует совершенствования. В настоящее время следственная и судебная практика пошла по пути отказа в привлечении к ответственности участников спортивных соревнований в случае с причинением вреда здоровью своему оппоненту. При этом, представляется необходимым криминализовать наиболее тяжкие случаи причинения вреда при проведении спортивных соревнований. В частности, речь идёт о случаях умышленного нарушения правил (регламента) проведения спортивных соревнований, сопряжённого с причинением средней тяжести или тяжкого вреда здоровью. Субъективная сторона таких преступлений, должна иметь двойную форму вины – умысел по отношению к нарушению правил проведения таких соревнований, и неосторожность по отношению к последствиям в виде причинения средней тяжести и тяжкого вреда здоровью.

Предлагается следующая редакция нормы:

«Статья 113¹ Причинение вреда жизни и здоровью в условиях проведения спортивных соревнований.

1. Умышленное нарушение правил проведения спортивных соревнований, повлекшее по неосторожности тяжкий или средней тяжести вред здоровью –

- ...

2. Те же деяния, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего

-».

Если же участник спортивных соревнований причинил своему оппоненту вред здоровью умышленно, однако, преследуя не цель победы в спортивном соревновании, а цель причинения вреда, либо такой вред был

причинён в месте проведения спортивного соревнования, однако, не в «рамках» проведения поединка (возле ринга, в подсобных помещениях и т.п.), то такие действия должны квалифицироваться на предмет наличия уже предусмотренных признаков преступления.

Что касается других действий спортсменов при проведении спортивного соревнования и в условиях соблюдения его регламента (правил проведения спортивных мероприятий), если последние были обусловлены целью победы в соревновании, достижения спортивного результата, то причинённый при этом вред жизни и здоровью оппонента, не должен признаваться преступлением. Главным фактором в данном случае выступает добровольное согласие всех принимающих участие в соревнование спортсменов на участие в таких соревнованиях, сопряжённых с риском получения вреда здоровью даже при условии, соблюдения всех мер предосторожности и правил проведения таких соревнований.

Проведённый анализ зарубежных источников по различным вопросам защиты личности от преступных посягательств (убийства, доведение до самоубийства и т.п.), показывает, что вопросу уголовно-правовой защиты данной ценности там уделяется первостепенное значение [85], [86], [87], [88], [89], однако существенного опыта, который позволил бы рассмотреть его на предмет возможных заимствований, не выявлено

Далее рассмотрим вопрос совершенствования уголовной ответственности за преступления против половой свободы и неприкосновенности. В частности, существует позиция об искусственной дифференциации составов преступления, посягающих на половую свободу при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера. В результате проведённого анализа научной литературы, установлено, что в основном предлагается один выход - объединение составов преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ в один дифференцированный состав. Например, И.А. Казаков приходит к выводу о том, что изнасилование является частным проявлением насильственных действий сексуального характера,

поэтому оно должно быть включено в ст. 132 УК РФ. В диспозиции статьи учёный предлагает перечислить признаваемые на данный момент способы удовлетворения половой страсти: изнасилование мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера, а средства достижения преступной цели (насилие или беспомощное состояние потерпевшей), оставить в той же форме [20, с. 107].

По другому объединить данные нормы предлагает А.А. Бимбинов, который отмечает, что в общественном восприятии оба состава и ст. 131 и ст. 132 УК РФ являются «изнасилованием», в связи с чем менять уже сложившееся восприятие нецелесообразно (закон должен быть, прежде всего, ясен и понятен обществу, поскольку создаёт правило поведения именно для него), а значит, статья должна носить название «изнасилование», однако в качестве описательного признака объективной стороны необходимо указать универсальные «действия сексуального характера», которые будут охватывать любые возможные формы удовлетворения половой страсти, связанные с насилием в отношении жертвы или с использованием её беспомощного состояния [10, с. 896].

Формируя собственное представление относительно рассмотренных в данной главе вопросов, отметим, что «искусственность» разделения насильственных преступных посягательств на половую свободу и неприкосновенность человека является вполне очевидной и не вызывает сомнения. Обращает на себя внимание прежде всего, то, что в обоих случаях посягательство происходит на один и тот же идентичный непосредственный объект: половая свобода и неприкосновенность личности, дополнительным факультативным объектом может выступать жизнь, здоровье человека (как физическое, так и психологическое). Сами по себе формы удовлетворения половой страсти являются законными и допустимыми в нашем государстве и согласуются с принципом свободы личности, но преступлением они становятся только в силу фактора принуждения одного из партнёров к совершению таких действий, если это принуждение связано с применением

насилия, угрозой его применения или с использованием его беспомощного состояния. Данное утверждение одинаково применимо и к ст. 131 и 132 УК РФ. Возможный аргумент о том, что выделение двух составов вызвано необходимостью дифференциации уголовной ответственности не выдерживает критики, поскольку никакой дифференциации не наблюдается (санкции и квалифицирующие составы практически идентичны [80], [81]).

Рассмотренные историко-правовые предпосылки введения в уголовное законодательство РФ ст. 132 УК РФ указывают на то, что это было совершено в целях преодоления, сформировавшегося на протяжении многих десятилетий «узкого» подхода судебной практики к трактовке термина «изнасилование».

Таким образом, правильным выходом из данной ситуации будет объединение составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 131 и 132 УК РФ в один состав. При этом признаки объективной стороны могут быть обозначены как способом перечисления известных форм удовлетворения преступной страсти, так и способом указания на универсальный признак «действия сексуального характера». Таким образом, предполагаемая редакция диспозиции ч. 1 ст. 131 УК РФ может выглядеть следующим образом:

«Статья 131 Изнасилование.

1. Действия сексуального характера (половой акт, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера) с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)».

Далее обратимся к обширной проблеме квалификации и совершенствования ответственности за преступления, связанные с умышленным причинением смерти другому человеку. Так речь идёт о таких преступлениях, как п.п. «а», «г», «к» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206 и ч. 3 ст. 281, ст. 111 УК РФ. Анализ научной литературы показывает, что «больше всего дискуссий вызывала и вызывает квалификация убийства двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). До внесения в 2004 году изменений в

ч. 1 ст. 17 УК РФ и корректировки в 2008 году п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 г. №11, предметом обсуждения являлся вопрос о квалификации по совокупности убийств двух и более лиц [78, с. 25].

Закон от 21.07.2004 г. №73-ФЗ в ч. 1 ст. 17 УК РФ закрепил отсутствие совокупности при совершении двух и более преступлений, отнесенных к составу с отягчающими признаками. 03.04.2008 года в абз. 1 п. 5 Постановления ВС РФ от 27.01.1999 г. №1 было включено соответствующее разъяснение в части квалификации убийств двух и более лиц [83, с. 25]. Но точку в обсуждениях квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ это не поставило, поскольку, во-первых, ВС РФ сохранил позицию признания совокупности двух составов убийств при лишении жизни одного лица и покушении на жизнь другого. В качестве примера можно указать на постановление Президиума Верховного Суда Республики Мордовия от 06.07.2017 г. по делу № 44-у-26 [46].

Во-вторых, в 2015 году появился судебный прецедент, поднявший новую проблему, касающуюся квалификации убийства по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Речь идет о ситуации, не получившей толкование в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.01.1999 г. №1, - квалификация действий виновного, в разное время совершившего два убийства, в одном из которых он выполнял роль организатора, пособника или подстрекателя, а в другом - роль исполнителя» [19, с. 21].

В результате проведенного анализа научных взглядов по различным спорным вопросам квалификации причинения смерти сопряженного с совершением преступлений, предусмотренных ст.ст. ст. 126, 131, 132, 162, 163, 205, 206 и 209 УК РФ [16, с. 93], [51, с. 54], установлено, что наиболее рациональным предложением по разрешению целого комплекса проблем квалификации данного деяния целесообразно убийства, сопряженные с совершением преступлений по ст.ст. 126, 131, 132, 162, 163, 205, 206 и 209 УК РФ должны быть выделены в отдельный самостоятельный квалифицированный состав по ч. 2 ст. 105 УК РФ. Кроме того, п. «б» ч. 3

ст. 205, ч. 4 ст. 206, ч. 3 ст. 281 необходимо из УК РФ исключить. Соответственно, убийства, сопряженные с совершением преступлений по ст.ст. 205, 206 и 281 УК РФ, будут квалифицироваться по совокупности с ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Также в связи с предлагаемыми изменениями, представляется необходимым внести соответствующие корректировки в постановление Пленума ВС РФ от 27.01.1999г. №1 должны быть внесены следующие изменения и дополнения: абз. 1 п. 5 дополнить разъяснением о том, что два и более убийства, в которых виновный выполнял разные роли как соучастник, не образуют совокупность; абз. 2 п. 8 привести в соответствие с действующей редакцией п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и разъяснениями, содержащимися в п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2019 г. № 58.

Можно сделать следующие выводы по третьей главе.

Общим критерием для квалификаций действия лица как преступления, причиняющего вред здоровью, является, собственно факт причинения такого вреда, и, соответствующий объект посягательства – здоровье человека. В свою очередь, разграничение смежных преступных деяний, направленных на причинение вреда здоровью человека, зависит от точного установления нескольких взаимосвязанных признаков объективной и субъективной стороны. Это размер причинённого вреда здоровью (его характер) и внутреннее психическое отношение лица к совершённой деянию, выражающееся в умышленной или неосторожной форме вины. Подлежат установлению и анализу на предмет соответствия квалифицирующим признакам мотивы и цель причинения вреда.

Также сделан вывод о необходимости объединения составов преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ в один состав. При этом признаки объективной стороны могут быть обозначены как способом перечисления известных форм удовлетворения преступной страсти, так и способом указания на универсальный признак «действия сексуального характера».

Заключение

В подведение итогов написания настоящей работы сделан вывод о том, что современная концепция преступлений против личности по большому счёту была сформирована в середине XX столетия в советский период развития отечественного уголовного права и, за редкими не меняющими сути исключениями, была имплементирована в УК РФ 1996 года, существует в настоящий момент, продолжая развиваться и совершенствоваться.

В качестве основных наиболее показательных изменений в системе преступлений против личности в современной России, во-первых, необходимо отметить их проставление на первое место в системе подлежащих охране ценностей, во-вторых исключение норм об ответственности за мужеложство и прочие подобные сексуальные действия ненасильственного характера, кроме действий совершённых в отношении несовершеннолетней, распространение действий статьи предусматривающей ответственность за изнасилование на действия совершённые в отношении лица мужского пола и т.п. Таким же образом, подлежит охране семья и несовершеннолетние за исключением отдельных норм изменённых в связи с изменением общей «идеологии» (особенно разительны различия в этом аспекте с периодом Российской империи). Государство во все времена заботил вопрос надлежащего нравственного воспитания подрастающего поколения, необходимость заботы и охраны жизни, здоровья (в т.ч. психического) его представителей. Конкретное содержание норм об ответственности за такие преступления, во многом зависела от господствующей в обществе и поддерживаемой государством идеологии.

Необходимо признать очевидные достижения законодателя в части криминализации таких деяний, как клевета, поскольку с усилением информационных процессов в современном обществе, особое значение приобретает установление чётких и однозначных правил и запретов в данной сфере. Важными также является предпринятые законодателем «шаги» в

направлении охраны прав и свобод несовершеннолетних, которые выразились как в криминализации деяний, связанных с доведением до самоубийства (соответствующие нормы были расположены в главе 16 УК РФ), так и в усилении ответственности за преступления против несовершеннолетних в «профильной» 20- главе УК РФ. Однако, далеко не всегда предпринятые законодателем меры имеют свой положительный эффект. Это касается как вышеобозначенных нововведений, поскольку их эффективность во многих случаях, оставляет желать лучшего (как применённые законодателем формулировки, так и в целом концепции нововведений).

Одним из таких примеров являются предпринятые уголовно-правовые меры по борьбе с семейно-бытовым насилием, которые выразились во введении ст. 116.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за нанесение побоев лицом, которое ранее было подвергнуто административному наказанию за такое же деяние. В обществе и среди специалистов, учёных по этому поводу возникают активные дискуссии.

Таким образом, вопрос о дальнейшем совершенствовании уголовно-правовых мер в сфере охраны личности от преступных посягательств, остаётся актуальным и в настоящий момент.

Установлено, что в уголовном законодательстве и в теории уголовного права существует неопределённость в вопросе определения содержания термина «личность», а также его соотношение с терминами «человек», «лицо». Существуют различные подходы и точки зрения, которые связаны либо с предложениями оставить всё «так как есть» воспринимая «личность» и «человека» как разные термины, характеризующие одно и то же явление, либо с заменой в названии седьмого раздела УК РФ, термина «личность» на термин «человек».

Представляется, что наиболее рациональным подходом в рассматриваемой ситуации будет являться понимание личности как объекта преступного посягательства, к его социальной роли, роли участника общественных отношений. При этом личность человека неразрывно связана и

с его биологической сущностью, данные явления не формируются автономно и независимо друг от друга, что позволяет относить к личности и отдельные блага, связанные с биологической сущностью человека (жизнь и здоровье). Иными словами, для целей уголовного права, разделение человека на человека-личность и человека-биологическое существо не принципиально.

В связи с этим, представляется необходимым определить преступления против личности, как запрещённые под страхом наступления уголовной ответственности деяния, которые направлены на личность человека в целом и на отдельные её проявления, связанные с физическими (жизнь и здоровье, половая неприкосновенность), психологическими и социальными (свобода передвижения, конституционные права и свободы и т.п.) проявлениями личности.

В свою очередь, объектом преступлений против личности необходимо признать общественные отношения, связанные с реализацией правосубъектности личности в определённых сферах общественных отношений, связанных с реализацией права на жизнь и здоровье, личную свободу и неприкосновенность, честь и достоинство, половую свободу и неприкосновенность, прав и законных интересов как члена семьи и несовершеннолетнего гражданина, политических, трудовых и других конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Субъективные признаки составов преступлений против личности в значительной степени разнообразны, что затрудняет выявление общих признаков и тенденций в данной сфере. Так, установлено, субъектами преступлений против личности, в зависимости от конкретного состава, могут быть как лица соответствующие критериям общего субъекта, так и специального субъекта (в отдельных случаях, это лицо женского пола беременное, либо родившее ребёнка, лицо мужского пола, лицо в материальной или иной зависимости от которого пребывает потерпевшая, должностное лицо наделённое компетенцией в сфере реализации прав и свобод граждан, совершеннолетнее лицо, лица наделённые обязанностями по

воспитанию несовершеннолетних и т.п.). В отдельных случаях в отношении тяжких или особо тяжких преступлений законодателем понижен возрастной порог наступления уголовной ответственности до 14-летнего возраста.

Что касается признаков субъективной стороны, то, в большинстве составов преступлений против личности имеет место умышленная форма вины, в более редких случаях – неосторожность. Неосторожность характерна для случайного непредвиденного лишения жизни, причинения тяжкого вреда здоровью, для нарушения норм и правил охраны труда и т.п. Кроме того, неосторожная форма вины встречается в преступлениях с двойным умыслом, согласно которого изначально причинение вреда или нарушение норм и правил осуществляется умышленно, а предусмотренные квалифицированные составы преступлений, предусматривают наступление определённых тяжких последствий (как правило, это смерть человека, причинение ему тяжкого вреда, иные тяжкие последствия, в т.ч. заражение ВИЧ-инфекцией и т.п.).

Также, в результате проведённого исследования, были разработаны ряд предложений по совершенствованию уголовной ответственности за преступления против личности.

Так, в результате проведённого анализа проблемы квалификации действий, направленных на причинение вреда в условиях проведения спортивных соревнований, сделан вывод о том, что текущий уровень охраны жизни и здоровья участников спортивных соревнований от наиболее тяжких посягательств, требует совершенствования. В настоящее время следственная и судебная практика пошла по пути отказа в привлечении к ответственности участников спортивных соревнований в случае с причинением вреда здоровью своему оппоненту. При этом, представляется необходимым криминализовать наиболее тяжкие случаи причинения вреда при проведении спортивных соревнований. В частности, речь идёт о случаях умышленного нарушения правил (регламента) проведения спортивных соревнований, сопряжённого с причинением средней тяжести или тяжкого вреда здоровью. Субъективная сторона таких преступлений, должна иметь двойную форму

вины: умысел по отношению к нарушению правил проведения таких соревнований, и неосторожность по отношению к последствиям в виде причинения средней тяжести и тяжкого вреда здоровью.

Предлагается следующая редакция нормы:

«Статья 1131 Причинение вреда жизни и здоровью в условиях проведения спортивных соревнований.

1. Умышленное нарушение правил проведения спортивных соревнований, повлекшее по неосторожности тяжкий или средней тяжести вред здоровью –

- ...

2. Те же деяния, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего

-».

Кроме того, был проведён анализ проблемы «искусственного» разграничения уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 131 и 132 УК РФ. Сделан вывод о том, что правильным выходом из данной ситуации будет объединение составов преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ в один состав. При этом, признаки объективной стороны могут быть обозначены как способом перечисления известных форм удовлетворения преступной страсти, так и способом указания на универсальный признак «действия сексуального характера». Таким образом, предполагаемая редакция диспозиции ч. 1 ст. 131 УК РФ может выглядеть следующим образом:

«Статья 131 Изнасилование.

1. Действия сексуального характера (половой акт, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера) с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)».

В результате проведённого анализа научных взглядов по различным спорным вопросам квалификации причинения смерти сопряжённого с совершением преступлений, предусмотренных ст.ст. 126, 131, 132, 162, 163,

205, 206 и 209 УК РФ, установлено, что наиболее рациональным предложением по разрешению целого комплекса проблем квалификации данного деяния целесообразно убийства, сопряженные с совершением преступлений по ст.ст. 126, 131, 132, 162, 163, 205, 206 и 209 УК РФ должны быть выделены в отдельный самостоятельный квалифицированный состав по ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Кроме того, п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206, ч. 3 ст. 281 необходимо из УК РФ исключить. Соответственно, убийства, сопряженные с совершением преступлений по ст. ст. 205, 206 и 281 УК РФ, будут квалифицироваться по совокупности с ч. 2 ст. 105 УК РФ. Также в связи с предлагаемыми изменениями, представляется необходимым внести соответствующие корректировки в постановление Пленума ВС РФ от 27.01.1999г. №1 должны быть внесены следующие изменения и дополнения: абз. 1 п. 5 дополнить разъяснением о том, что два и более убийства, в которых виновный выполнял разные роли как соучастник, не образуют совокупность; абз. 2 п. 8 привести в соответствие с действующей редакцией п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и разъяснениями, содержащимися в п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2019 г. № 58.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Проблемы квалификации похищения человека и незаконного лишения свободы // Российский судья. 2013. № 4. С. 26-28.
2. Агафонов, А. Личность как объект уголовно-правовой охраны // Уголовное право. 2004. № 2. С. 6-8.
3. Алфимова О.А. Уголовная ответственность за преступления против личности. Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИИ России, 2018. С. 16-17.
4. Ачилов И.П. Квалификация преступлений против личности по объекту // Review of law sciences. 2018. № 3. С. 142-150.
5. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 августа 2018 г. № 4-АПУ18-30 // ИПК Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/72067824/paragraph/67/doclist/166/showentries/1:0> (дата обращения: 21.05.2022)
6. Бязров В.Г. Разграничение захвата заложника и похищения человека: вопросы квалификации // Российский следователь. 2015. № 1. С. 18-22.
7. Безручко Е.В. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека: теоретико-правовое исследования: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2018. 320 с.
8. Белясов С.Н. Понятие преступлений против жизни и здоровья в доктрине уголовного права // Право и практика. 2021. № 2. С. 76-79.
9. Бережнов, А.Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991 [Электронный источник]. URL: www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=278 (дата обращения 15.05.2022).
10. Бимбинов А.А. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: качество закона и вопросы квалификации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 896-904.

11. Власов А.Э. Понятие и структура преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в современном российском законодательстве // Концепт. 2015. № 5. С. 116-120.
12. Воробьев А. Похищение человека и захват заложника // ЭЖ-Юрист. 2015. № 36. С. 2-6.
13. Гладких В.И. Преступления против личности: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. М. : Издательство Юрайт, 2019. 340 с.
14. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963. 180 с.
15. Дубовец П.А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М., 1964. 270 с.
16. Дядюн К.В. Проблемы толкования и применения критерия «заведомость» при квалификации убийств // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 93-95.
17. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрании законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
18. Иванов Н.Г. Преступления против личности: учеб. пособие для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2018. 124 с.
19. Иногамова-Хегай Л.В. Неоднократное убийство: составное суммарное преступление или множественность преступлений // Современные проблемы расследования преступления и предупреждения преступлений против жизни и Республике Бурятия: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Улан-Удэ. 2017. С. 21-26.
20. Казаков И.А. Вопросы сравнительного анализа изнасилования и насильственных действий сексуального характера // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3 (90). С. 107-108.

21. Козаев Н.Ш., Бязров В.Г. Похищение человека и захват заложника: вопросы квалификации // Российский следователь. 2013. № 23. С. 14-19.

22. Колесников А.В. Понятие и характеристика преступлений против личности, совершаемых в условиях неочевидности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 3. С. 1160 – 1164.

23. Курсаев А.В. Уголовная ответственность за несоблюдение безопасных условий труда по законодательству Российской империи // Вестник УЮИ. 2020. № 1. С. 60-66.

24. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. согл. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета, 4 июля 2020 г. № 144.

25. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

26. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2011 г. N 48-О11-94 // ИПК Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70390076/paragraph/62/doclist/178/showentries/1:0> (дата обращения: 21.05.2022).

27. Кассационное определение СК по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04 августа 2020 г. по делу № 7У-4580/2020 // ИПК Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/315312893/paragraph/1/doclist/216/showentries/1:0> (дата обращения: 21.05.2022).

28. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы VII-VIII (постатейный) (том 2). – М. : «Юрайт», 2017. 670 с.

29. Маркарян С.А. Мотивы как основание дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности: проблемы

конструирования квалифицирующих признаков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2012. 28 с.

30. Марахтанова Е.А. Преступления против свободы личности: вопросы законодательной регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. 188 с.

31. Маслак С.Н. История становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник КРУ МВД России. 2010. № 4. С. 33-41.

32. Мачковский, Л.Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 250 с.

33. Миронова З.Г., Хейфец Л.З. Профилактика травм в спорте и доврачебная помощь. М., 1962. 260 с.

34. Мулюков Ф.Б. Наказание и его назначение за преступления против личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Казань, 2017. 28 с.

35. Морозов В.И., Дубченко С.В. Отграничение похищения человека от захвата заложника, совершенных из корыстных побуждений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2007. № 1 (2). С. 57-60.

36. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.07.2021г. № 82-УД21-7-К7 // ИПК Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/401557160/paragraph/1:0> (дата обращения: 21.05.2022).

37. Павлик М.Ю. Отграничение захвата заложника от смежных с ним составов преступлений по УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1. С. 212-216.

38. Полянская Е.М. Система преступлений против свободы человека по Уголовному кодексу Российской Федерации 1996 года // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2021. №3. С. 127-130.

39. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» [Электронный источник]. URL»: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1455599/#ixzz6taWWq6W2> (дата обращения: 15.05.2022).

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС Консультант Плюс.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС Консультант плюс.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 октября 2021 г. № 32) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»

(Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 настоящее постановление признано утратившим силу) // СПС «Гарант».

46. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Мордовия от 06.07.2017 г. по делу № 44-у-26 // ГАС РФ «Правосудие». <https://bsr.sudrf.ru/big5/>(дата обращения: 21.05.2022).

47. Приговор Октябрьского районного суда города Иваново № 1-27/2015 от 17 марта 2015 г. по делу № 1-27/2015 [Электронный источник]. URL:<http://sudact.ni/regular/doc/> (дата обращения: 15.05.2022).

48. Приговор Пошехонского районного суда Ярославской области от 23 декабря 2010 г. по делу №10-14/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

49. Решетникова Г.А. История развития уголовного законодательства России о преступлениях против семьи и несовершеннолетних до 1917 года // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2005. № 6-2. С. 46.

50. Российский боксер Максим Дадашев скончался от травм после боя [Электронный источник]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-49085967> (дата обращения: 15.05.2022).

51. Спиридонова Л.Э. Проблемы квалификации действий лица в условиях фактической ошибки при наличии умысла на убийство двух и более потерпевших // Законность. 2012. №10. С. 54.

52. Тиунов О.И. О статусе общепризнанных принципов и норм международного права // Материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. 2007. №3. С. 31-34.

53. Ткаченко А.А. Аномальное сексуальное поведение. СПб., 2003. 426 с.

54. Толмосов В.И. Преступления против личности: краткий курс лекций. Самара: Самар. гуманит. Акад., 2009. 172 с.

55. Тюгашев Е.А. Юридическое понятие личности // Государство, право, образование: сб. науч. тр. Новосибирского государственного аграрного университета. Новосибирск, 2003. С. 201-210.

56. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. - М. : Статут, 2012. С. 120-124.

57. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. - М., 2005. 482 с.

58. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина [Электронный источник]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 15.05.2022).

59. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. [Электронный источник]. URL: <https://www.prlib.ru/item/459770> (дата обращения: 15.05.2022).

60. Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р.: введён в действие Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153

61. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) (утратил силу) [Электронный источник]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/36c11f9fc22cf111e09bf9ce1b8fdc2ccc1ef860/(дата обращения: 15.05.2022).

62. Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 94-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14. Ст. 2024.

63. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть 1). Ст. 77.

64. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4108.

65. Федеральный закон от 03.10.2018 № 352-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 41. Ст. 6192.

66. Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

67. Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 7. Ст. 1027.

68. Федеральный закон от 29.07.2017 № 249-ФЗ О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4798.

69. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

70. Федеральный закон от 25.11.2013 № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 26.04.2016) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 48. Ст. 6165.

71. Федеральный закон от 28.12.2013 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-

процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6945.

72. Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6997.

73. Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 10. Ст. 1162.

74. Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4330.

75. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

76. Федеральный закон от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 31. Ст. 3921.

77. Ханова З.Р. Проблема объективных признаков преступлений против несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 95-97.

78. Хилтунов Н.Н. Уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда: монография. М. : Юнити : Закон и право, 2015. 216 с.

79. Хохлова О.М., Островских Ж.В. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 1. С. 57-61.

80. Цэнгэл С.Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера: Статья 132 УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 21 с.

81. Чепуров В.В. Построение санкций за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: законодательный и теоретический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 34 с.

82. Шикула И.Р. Уголовно-правовая характеристика потерпевшего в преступлениях против личност : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2008. 29 с.

83. Яни П. Сопряженность не исключает совокупности // Законность. 2005. № 2. С. 25-30.

84. 19-летний боксер умер после боя на молодежном чемпионате мира [Электронный источник]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/04/27/umerboxing/> (дата обращения: 15.05.2022).

85. Bettinson V. Aligning partial defences to murder with the offence of coercive or controlling behaviour // The Journal of Criminal Law. 2019. Vol. 83, issue 1. P. 71-86.

86. Carlyle K.E., Guidry J.P.D., Williams K., Tabaac A., Perrin P.B. Suicide conversations on Instagram™: Contagion or caring? // Journal of Communication in Healthcare. 2018. Vol. 11, issue 1. P. 12-18.

87. Gibson M. Pragmatism Preserved? The challenges of accommodating mercy killers in the reformed diminished responsibility plea // The Journal of Criminal Law. 2017. Vol. 81, issue 3. P. 177-200.

88. Leonard L. (Ed.). Global Perspectives on People, Process, and Practice in Criminal Justice. IGI Global, 2021. 303 p.

89. McGorrery P., McMahon M. Causing someone else to commit suicide: Incitement or manslaughter? // *Alternative Law Journal*. 2018. Vol. 44, issue 3. P. 23-28.